

ХІІІ.

Въ своей семьѣ. Идиллія Одиссеи.

1.

Самъ Жуковскій разсказалъ намъ исторію своей послѣдней любви ¹⁾.

Въ іюнѣ 1832 года онъ выѣхалъ за границу для поправленія здоровья. Онъ лѣчился въ Эмсѣ и Вейльбахѣ; здѣсь подъѣхалъ къ нему его старый пріятель Рейтернъ, который рѣшился сопровождать его въ Швейцарію. Жуковскій предполагалъ прожить въ Веве не болѣе трехъ недѣль, далѣе отправиться въ Италію на встрѣчу Тургеневу, но болѣзнь открылась снова и отъ Италіи надо было отказаться; ему не пришлось видѣть Ливорно, могилы Саши. Тургеневу онъ поручаетъ заботу объ ея памятникѣ. „О моемъ житьѣ-бытьѣ не безпокойся; я не одинъ, со мною Рейтернъ, который выписываетъ на зиму и свое семейство, такъ что я буду и въ совершенномъ уединеніи, и со своимъ домомъ. Но Дрездена уже нѣтъ не возвратитъ: никогда мнѣ не было такъ уютно и покойно и домовито, какъ въ Дрезденѣ: это время одно изъ самыхъ солнечныхъ въ жизни“ (19/31 октября 1832 г. Веве).

Когда 26 ноября семья Рейтерна подъѣхала къ домику, нанятому для нихъ Жуковскимъ, онъ встрѣтилъ ихъ у воротъ, а его черные, глубокіе, добрые глаза произвели невыра-

1) Въ пространномъ посланіи къ роднымъ, писанномъ съ 10/22 августа по 5-е сентября 1840 года, Русская Бесѣда 1859 г. III, стр. 17 слѣд. Я пользовался кромѣ того разсказомъ его невѣсты, написанномъ (по французски) по его желанію.

Елизавета Алексѣевна Жуковская.

зимое впечатлѣніе на дочку Рейтерна, Елизавету, тогда еще ребенка. Она знала его съ 1826 года по имени и портрету, писанному ея отцемъ.

„Мы всѣ вмѣстѣ переселились въ наше уединеніе, вспоминаетъ Жуковскій, и съ этой минуты начинается для меня жизнь покоя, и ясный миръ домашній обхватываетъ мою душу, какъ въ бывалые, лучшіе, прежніе годы“. Жуковскій заходилъ къ Рейтернамъ по нѣскольку разъ въ день, за столомъ дѣвочка сидѣла между нимъ и отцемъ, по вечерамъ ея обязанностью было подавать Жуковскому табакъ и трубку, что она впрочемъ часто забывала, а Жуковскій сюрпризомъ устроилъ дѣтямъ рождественскую елку. Повѣяло семьей, тѣнями прошлаго, молодостью. Жуковскому стукнуло 49 лѣтъ, „Я не состарѣлся и, такъ сказать, не жилъ, а попалъ въ старики, писалъ онъ въ день своего рожденія (29 генваря 1833 г.) Зонтагъ. Жизнь моя была вообще такъ одинакова, такъ сама на себя похожа, что я еще не покидалъ молодости, а вотъ ужъ надобно сказать рѣшительно „прости“ этой молодости и быть старикомъ, не будучи старымъ. Нечего дѣлать!“.— Затѣмъ пришлось разстаться; „они улетѣли отъ меня, какъ свѣтлыя райскія тѣни“; лишь въ августѣ 1833 года Жуковскій три дня прогостилъ у Рейтерновъ въ замкѣ Виллингсгаузенъ, гдѣ „опять на минуту очутился въ своемъ родномъ кругѣ“. На прощаньи „13-лѣтній ребенокъ кинулась мнѣ на шею и прильнула ко мнѣ съ необыкновенною нѣжностью; это меня тогда поразило, но, разумѣется, никакого слѣда на душѣ не оставило“. Прошло пять лѣтъ, прежде чѣмъ Жуковскій снова увидѣлъ въ Дюссельдорфѣ, въ августѣ 1838 года, свою суженую; три дня провелъ онъ въ семьѣ; Елизавета и ея сестра „разцвѣли, какъ чистыя розы“.

Зимой того-же года Жуковскій былъ въ Венеціи, о впечатлѣніяхъ которой писалъ Языкову (4/16 ноября). 21-го ноября (3 декабря н. ст.) онъ гулялъ при лунѣ по венеціанской Piazza и записалъ въ своемъ дневникѣ: „тѣнь колокольни, блѣдный свѣтъ куполовъ; Maria della Salute, какъ призракъ.... Ponte dei Sospiri въ блѣдномъ свѣтѣ надъ темнымъ каналомъ, на коемъ полоса отъ фонаря гондолы, и свѣтъ въ окно тюрьмы. Per me si va (nella città dolente). Вечеръ у Шпаура. Пѣнье“. Жуковскій настраивается элегически и набрасываетъ стихотвореніе:

Мой міръ лишенъ маги(че)ской одежды,
 Еще могу по прежнему любить,
 Но нѣтъ надежды
 Любимымъ быть ¹⁾.

Въ іюнѣ 1839 года, провожая великаго князя, онъ снова заѣхалъ къ Рейтернамъ. „Я провелъ только два дня въ замкѣ Виллингсгаузенъ, писалъ онъ роднымъ, и въ эти два дня были для меня минуты очаровательныя. Старшая дочь Рейтерна, 19 лѣтъ, была предо мной точно какъ райское видѣніе, которымъ я любовался отъ полноты души, просто, какъ видѣніемъ райскимъ, не позволяя себѣ и мысли, чтобъ этотъ свѣтлый призракъ могъ сойти для меня съ неба и слиться съ моею жизнью. Я любовался ею, какъ образомъ Рафаэлевой Мадонны, отъ которой послѣ нѣсколькихъ минутъ счастья удаляешься съ тихимъ воспоминаніемъ и.... Однако нѣтъ! Въ тогдашнемъ чувствѣ, съ которымъ смотрѣлъ я на это ангельское лицо, не было того совершеннаго покоя, съ какимъ смотришь на тихую Мадонну; оно было соединено съ грустью: мнѣ было жаль себя; смотря на нее и чувствуя, что молодость сердца была еще вся со мною, я горевалъ что молодость жизни миновалась и что мнѣ надобно проходить равнодушно мимо того, чему бы душа могла предаться со всѣмъ неистощимымъ жаромъ своимъ и что однако навсегда должно ей остаться чуждымъ. Это были два вечера грустнаго счастья. И всякій разъ, когда ея глаза поднимались на меня отъ работы (которую она держала въ рукахъ), то въ этихъ глазахъ былъ взглядъ невыразимый, который прямо вливался мнѣ въ глубину души, и я бы изъяснилъ этотъ взглядъ въ пользу своего счастья, и онъ бы тутъ же рѣшилъ мою судьбу, еслибы только мнѣ можно было позволить себѣ такого рода надежды и не должно было отъ себя всѣми силами отталкивать подобныя желанія, моимъ лѣтамъ уже неприличныя, и только что для меня тревожныя“.

Между тѣмъ Елизавета фонъ Рейтернъ писала о тѣхъ-же дняхъ: пріѣхалъ Жуковский; вечеромъ за чаемъ, бесѣдуя съ Шадовымъ, „онъ такъ чудно говорить о смиреніи, что мое сердце исполнилось невыразимой радости“. Она вспоминаетъ

1) Третій стихъ написанъ былъ первоначально такъ: Но для меня ужъ нѣтъ теперь надежды.

о двухъ дняхъ, проведенныхъ Жуковскимъ въ Виллингаузенѣ: „Въ сердцѣ стало свѣтло, и этотъ свѣтъ становился все яснѣе и ярче; правда, у меня не было времени задуматься надъ этимъ. Ею присутствіе было для меня все, все мнѣ давалъ; я ощущала неизгъяснимую радость, источника которой не понимала, а между тѣмъ мечта, которую я давно открыла въ глубинѣ моего сердца, съ каждымъ днемъ становилось существеннѣе. Присутствіе Жуковского было счастьемъ, видѣть его блаженство.... Погода была прелестная. Жуковскій по утрамъ рисовалъ въ саду, и я къ своему удивленію спохватилась, что мои шаги невольно направлялись туда, гдѣ онъ былъ“. Ее печалитъ мысль, что онъ скоро уѣдетъ, сердце щемитъ, когда она думаетъ о немъ; почему не бываетъ съ нею того-же, когда она думаетъ — объ отцѣ?

Еще нѣсколько бѣглыхъ свиданій въ 1840-мъ году и двухнедѣльное пребываніе въ Виллингаузенѣ въ маѣ; великій князь и его невѣста, ученица Жуковского, уѣхали изъ Дармштадта, онъ получилъ возможность самъ отдохнуть. Куда направиться? У него вдругъ „блеснуло воспоминаніе о тихой жизни на берегу Женевского озера, воспоминаніе о Верне и о моемъ тогдашнемъ семейномъ кругѣ (вмѣстѣ съ Верне воображенію представились нѣкоторыя ясныя эпохи Муратова, Долбина....). Передъ этимъ воспоминаніемъ всѣ другіе планы исчезли“. Онъ поѣхалъ къ Рейтернамъ, и это свиданіе было рѣшительнымъ.

Онъ счастливъ, „ясная эпоха“ Муратова наступила для него во очію; онъ вдругъ переселился туда, гдѣ „нѣкогда жилъ и уже пересталъ жить мечтою, куда влекло и уже перестало влечь сердце, гдѣ ясный міръ, гдѣ поэзія, бывшій товарищъ молодости и теперь ея представитель и замѣна“¹⁾. Любовь въ семьѣ, въ районѣ дружбы и привычки („*pour qui sait aimer qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude?*“ записалъ онъ въ альбомѣ Воейковой); какъ въ Бѣлевскомъ уединеніи у него была милая переписчица, такъ Елизавета фонъ Рейтернъ обрисовываетъ наброски, привезенные имъ изъ путешествія²⁾. Къ этому

1) Письмо къ роднымъ.

2) Сл. Gerhard von Reutern l. c. стр. 99 слѣд.: 5 августа 1837 года Жуковскій благодарилъ Рейтерна *pour le trésor des contours qui forment un journal complet de notre voyage*; его дочь срисовала для Жуковского его croquis.

присоединилось и сходство настроенія: Рейтерны піэтисты, Рейтернъ — другъ Радовица, котораго и Жуковскій избралъ своимъ сердцемъ; Радовицъ, котораго Елизавета фонъ Рейтернъ зоветъ oncle, пишетъ Рейтерну задушевныя письма съ цитатами изъ Новалиса (*Gieb treulich mir die Hände* и т. д.)¹⁾.

Въ этой средѣ вырастаетъ невѣста Жуковского, она точно его ученица: глубоко-піэтистически настроенная, она прячетъ свое чувство, полна предчувствій и вѣры въ Провидѣніе — и сознанія своего недостойнства; ея борьба съ собою — испытаніе. На Жуковского она смотритъ, какъ на нѣчто высшее: не ей быть звѣздой на его небѣ; она готова ограничить свое счастье — счастьемъ видѣть его; въ ея любви много благоговѣнія, *vénération*. „И все это у меня — отъ тебя“ (*Et tout cela me vient de toi*). Такъ въ былое время говорилъ Жуковскій Машѣ. Роли перемѣнились. Къ обычной застѣнчивости Жуковского присоединилась теперь застѣнчивость старческаго чувства, онъ не рѣшается объяснить прямо, а все намеками, полусловами, такъ, чтобы другіе договорили. Такъ съ Рейтерномъ, такъ и съ невѣстой. Онъ посылаетъ ей, въ знакомой намъ синей оберткѣ его дневниковъ, потѣшный разсказецъ, написанный по нѣмецки: *Geschichte des Herrn von Klotz*, который она перечитываетъ съ восторгомъ — и понимаетъ: это было объясненіе въ любви, вѣроятно, въ формахъ такой-же потѣшной аллегоріи, какъ и „*Malerische Darstellung einer Bleifüssler-Procession*“, служившая той-же цѣли. Это — написанное по нѣмецки объясненіе къ картинкамъ, которыя приглашался нарисовать Рейтернъ. Въ стекляномъ гробу лежитъ свинопасъ, выбываясь изъ него руками и ногами. Около него Обжора (*Herr von Vielfrass*), сирѣчь время: онъ сложилъ крылья, подвязалъ къ животу матрацъ, надѣлъ свинцовые сапоги и, покуривая трубочку, трунить надъ бѣднымъ свинопасомъ, и всякій разъ, когда проползетъ мимо него „свинцовая ножка“, подвигаетъ впередъ стеклянный гробъ. Процессія „свинцовыхъ ножекъ“ растянулась: это подвижныя, эфирныя созданія, капризныя, любящія помучить человѣка. Такъ и теперь: чтобы подразнить свинопаса, они приняли тяжелыя тѣла, похожія на тыкву, ѣдутъ верхомъ на черепахахъ; одинъ куритъ, другіе играютъ въ карты и т. д.; у каждого запечатанный ларчикъ, содержаніе котораго онъ не знаетъ; пока

1) 1. с. стр. 34—6, 112.

они проходятъ, можно было бы сломать печать, тогда.... но это къ дѣлу не относится.—Вдали башни Дюссельдорфа, горятъ утреннія звѣзды, въ воздухѣ что-то рѣветъ: это проклятыя „свинцовыя ножи“, но они крылаты и быстро пролетаютъ, не то, что у гроба свинопаса. Онъ также какъ будто пріободрился: надъ нимъ вѣется какое-то незримое существо (изображеніе бабочки), и когда оно спускается къ нему, онъ приходитъ въ спокойное состояніе, ноги вытягиваются, руки складываются на груди, и онъ лежитъ, какъ тихо покоющійся статскій совѣтникъ, которому снятся блаженные сны. Онъ ощущаетъ только близость невидимаго товарища, забывая Обжору и свинцовыя ножи.— На горизонтѣ, не далеко отъ Дюссельдорфа, виднѣется какъ будто гора, но это не гора, а исполинская телѣга, въ ней слонъ, въ слонѣ корова и т. д.—накопленіе въ стилѣ мотива извѣстной сказки; въ самомъ центрѣ — письмо отъ почтеннаго господина Рейтерна къ недостойному свинопасу. Но телѣга запряжена двумя хромыми утками! Письмо никогда не придетъ!

Время, часы — „свинцовыя ножи“ идутъ такъ медленно для Жуковского (= свинопаса), замедлилось и письмо — отъ Рейтерна; очевидно, письмо рѣшающее. Шутка-гротескъ надписана 15/21 іюля 1840 года; 3 августа участь Жуковского рѣшилась. Предложеніе было сдѣлано застѣнчиво-иносказательно: Жуковский предложилъ дѣвушкамъ часы: „Permettez moi de vous faire cadeau de cette montre, mais la montre indique le temps, le temps est la vie; avec cette montre je vous offre ma vie entière. L'acceptez vous?“ Она кинулась ему на шею¹⁾.

Обо всемъ, что съ нимъ случилось, Жуковский писалъ Ал. Тургеневу. „Какое письмо! пишетъ Тургеневъ. Душа Жуковского тихо изливается въ упоеніи и въ сознаніи своего блаженства. Читая его, я понялъ по крайней мѣрѣ половину моей любимой фразы: *Le bonheur est dans la vertu qui aime... et dans la raison qui éclaire*“²⁾. Жуковский говоритъ о своемъ счастьѣ восторженно, „какъ говорилъ о немъ въ Бѣлевѣ, гдѣ все было для него поэзіей, даже любовь; счастье поджидало

1) Такъ въ письмѣ къ роднымъ; см. письмо Плетнева къ Я. К. Гроту 8 ноября 1840 (со словъ вед. кн. Ольги Николаевны), Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, I, стр. 127.

2) Соч. и переписка П. А. Плетнева III стр. 119.

его въ концѣ его жизненнаго пути; надѣюсь, его освободятъ отъ придворнаго ига, ибо что бы онъ могъ тамъ сдѣлать съ однимъ изъ тѣхъ созданій, которыя счастливы только въ семьѣ и которыхъ Софья Карамзина встрѣчала развѣ въ романахъ? Чувствую, что ради Жуковскаго я помолодѣлъ душой и люблю его братски, какъ встарь. Желаю ему только одного, чего и самъ онъ себѣ желаетъ: жизни, жизни! Пора ему не то что перестать жить для другихъ, — вѣдь только такъ и живется, — а устроить себѣ другое существованіе: жизнь, какую онъ велъ, годна была для насъ и для тѣхъ, за которыхъ онъ безпрестанно хлопоталъ. Онъ отвоевывалъ (*gagnait*) себѣ рай, теряя его ежедневно.... Онъ хотѣлъ бы повидать меня, но я боюсь замутить полноту его счастья видомъ человѣка, находящаго убѣжище лишь въ апатіи, упустившаго всѣ виды земнаго счастья, даже счастья — страдать или ожидать въ покорности“¹⁾.

Тургеневъ прособирался къ пріятелю, хотя тотъ его „требовалъ“²⁾. Между тѣмъ „Вьельгорскіе нечаянно наѣхали въ Вильбаденѣ на Жуковскаго, нѣтъ, на Жуковскихъ. Она — влюбленная дочь, а онъ нѣжный отецъ. Весело и умилительно на нихъ смотрѣть“, писалъ князь Вяземскій³⁾; а у Тургенева та-же грустная отговорка: „одинъ только Жуковскій миритъ меня съ жизнью, за то я и не хочу пугать его моимъ присутствіемъ, моей тоской, въ каждой новой морщинѣ выражающейся. Письмо его ко мнѣ прелестно. Прочти его своимъ, Карамзинымъ, да еще немногимъ, — и только“⁴⁾. Жуковскій „будетъ жить въ уединеніи, я поѣду проститься съ нимъ, навсегда, если-бы такъ случилось, довольный тѣмъ, что онъ достоинъ своей доли, скорѣе, что доля приплась по его достоинствамъ. Онъ еще разъ возродится, обновясь въ средѣ, которая не будетъ средой дворца и петербургскихъ салоновъ“⁵⁾.

1) Ал. Тургеневъ къ В. О. Вяземской 1 сентября 1840 г. (Французское). Плетневъ, поздравляя Жуковскаго, восхищается строками, въ которыхъ онъ говорилъ „о новомъ раѣ своей души: жизни, жизни!“ (къ Жуковскому 3 сентября 1840 г.). Онъ прочелъ эти слова въ письмѣ Жуковскаго къ кн. Вяземской (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, I, стр. 35).

2) Тургеневъ къ княгинѣ Вяземской 10 сентября 1840 г.; къ князю Вяземскому 31 августа / 12 сентября того-же года.

3) Князь Вяземскій Тургеневу 26 июня 1841 г.

4) Тургеневъ князю Вяземскому 8/20 іюля 1841 г.

5) Ал. Тургеневъ княг. Вяземской 9 сентября 1840 г. (Французское).

„Очищенный Руссо“, вспоминалъ въ послѣдствіи кн. Вяземскій, Жуковскій на шестомъ десятилѣтїи испыталъ всю силу романической страсти; но, впрочемъ, это была не страсть, и особенно-же не романическая, а такое свѣтлое сочувствіе, которое освятилось таинствомъ брака¹⁾. Давно тому назадъ, въ пору увлеченія Машей, Жуковскій писалъ ей, что страсти къ ней у него никогда не было²⁾; и теперь онъ не игралъ въ чувство, пишетъ онъ роднымъ³⁾, „и какъ его въ себѣ допустить со всѣми надеждами, которыя могутъ быть приличны только молодости?“....⁴⁾ То, что онъ испыталъ, не „минутная вспышка души, разгоряченной романическимъ воображеніемъ; это просто сродство“. Знакомые въ Москвѣ и за границей встрѣтили вѣсть о столь неровномъ бракѣ съ какимъ-то пріятнымъ и любопытнымъ недоумѣніемъ; и его самого это порой смущало, но онъ сказалъ о томъ Радовицу, „нашему общему другу, человѣку, котораго я во всякое время выбралъ бы и руководцемъ и судьей моей жизни“, и „Радовицъ, которому характеръ моей Елизаветы давно и коротко знакомъ, который и меня также коротко знаетъ, устранилъ мои сомнѣнія, сказавъ, что при всей ихъ основательности вообще, они въ этомъ особенномъ случаѣ неумѣстны и что онъ ручается мнѣ за счастіе, если только она подастъ мнѣ руку произвольно, отъ сердца, безъ всякаго вліянія со стороны⁵⁾).

Оттого онъ такъ словоохотливо и добродушно рассказываетъ друзьямъ исторію своего сватовства, заставляетъ любоваться портретомъ невѣсты, писаннымъ Зономъ, старчески-дѣтски забалтывается до интимныхъ мелочей: какъ однажды, будучи съ матерью и невѣстой, онъ сказалъ, „что для чужихъ будетъ первую выдавать за жену свою, а вторую за дочь“; невѣста такъ разсердилась, что онъ насилу выпросилъ у нея прощеніе. Если она ведетъ себя умно, онъ зоветъ ее Эльзой, когда она шалить, онъ называетъ ее Бетси, а когда она задумаетъ

1) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго т. X: Старая записная книжка стр. 154.

2) Сл. выше стр. 204.

3) Въ томъ-же письмѣ.

4) Я не нахожу въ себѣ „живого, пламеннаго чувства, которое мнѣ несвойственно и по натурѣ моей, и по моимъ лѣтамъ“ (Дневникъ 12 ноября 1842 г.).

5) То-же письмо къ роднымъ.

рачится, онъ кричить только *Vête*“. Такъ рассказывалъ онъ вел. кн. Ольгѣ Николаевнѣ¹⁾. Онъ увѣренъ, что все это должно интересоватъ тѣхъ, кто его любитъ и понимаетъ.

Самъ онъ полюбилъ „христіанскою любовью“; это объясняетъ его строгую отвѣдь старому другу Александру Михайловичу Тургеневу, написанную имъ два года спустя послѣ брака. Тургеневъ, вдовецъ, сообщалъ ему въ 1843 году, что на старости лѣтъ онъ влюбился. „Не знаю, что тебѣ на это сказать, отвѣчаетъ ему Жуковский (10/22 февраля 1843 г.). Я уважаю чувства сердца. Если ты любишь, чтобъ любить про себя, это твоя святая тайна. Если же любишь съ надеждою на взаимность — берегись: будешь виноватъ передъ собою и передъ другими.... Ты пишешь, что горестъ, тоска и уныніе тебя одолѣли — должно ли это быть въ твои лѣта и отъ такой причины? Согласенъ, живое чувство 18-лѣтней любви, пробудившееся въ твоей 65-лѣтней душѣ, доказываетъ свѣжесть этой души — но не слишкомъ ли это чувство ее тревожить? Не заставляешь ли ее произвольно строить такое будущее, котораго уже не можетъ быть для нея въ здѣшней жизни? Не от-

1) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ I, стр. 127—8 (8 ноября 1840 г.): „Онъ (Жуковский) привезъ и портретъ невѣсты, писанный въ Дюссельдорфѣ знаменитымъ Зономъ. Вообразите идеаль нѣмки. Бѣлокурая, лицо самое правильное; потупленные глаза; съ крестикомъ на золотомъ шнуркѣ; видна спереди изъ подъ платья рубашечка; края лифа у платья на плечахъ обшиты тоже чѣмъ-то въ родѣ золотого узенькаго галуна; невыразимое спокойствіе, мысль, умъ, невинность, чувство — все отразилось на этомъ портретѣ, который я назвалъ не портретомъ, а образомъ. Точно можно на нее молиться. Самая форма картины, вверху округленной, съ голубымъ *fond* — все производитъ невыразимое впечатлѣніе. Весь вечеръ мы любовались на этотъ образъ.... Портретъ ея писанъ тогда, когда Жуковский ей читалъ книгу. На картинѣ лицо взято въ профиль, оттого ея глазъ совсѣмъ не видать. Они темно-сѣрые. Цвѣтъ лица чистый, бѣлый. Черты большія. Линія отъ подбородка идетъ къ лбу, образуя тупой уголъ, что придаетъ лицу выраженіе умное и интересное“. Портретъ писанъ въ Дюссельдорфѣ въ 1842 г. и литографированъ Шертле. — Иное впечатлѣніе вынесъ Мельгуновъ: „Жуковский женился на старшей дочери Рейтерна, нашего художника въ Дюссельдорфѣ, писалъ онъ Шевыреву 5/17 октября 1842 г. Она ростомъ съ Иванъ Великій (sic) и не хороша собой, но *sehr gemüthlich*. Жуковский *ist überglücklich*, какъ онъ пишетъ Коппу“ (д-ръ въ Ганау, лѣчившій Мельгунова, пріятель Жуковскаго). Сл. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы т. II, изд. 2-ое, стр. 191 прим. 1.

влекаешь ли ее отъ мыслей и чувствъ высшаго рода, ей теперь приличныхъ и необходимыхъ?... *Въ твои лѣта можетъ быть только любовь христіанская. Отворить ее для любви къ женщиинѣ (которая всегда, сколь бы ни была чиста, болѣе или менѣе соединена съ чувственностью), есть предавать ее такимъ волненіямъ, которыя уже не должны ее тревожить* и которыя, конечно, не дадутъ укорениться въ ней тому *ясному миру*, который намъ необходимо имѣть, приближаясь къ границѣмъ здѣшняго. Я увѣренъ въ чистотѣ твоего чувства и (говорю опять) уважаю его. Но мой совѣтъ: сладить съ нимъ и не давать ему воли надъ душой; ей теперь не то нужно“¹⁾.

Такъ сбылись надежды Жуковскаго „любимымъ быть“. Но „надежда“ подсказана риемой; надежда давно отмѣнена, на ея мѣсто надо поставить вѣру въ Провидѣніе. Такъ наставлялъ Жуковский Машу, Воейкову, Самойлову, а въ альбомѣ Воейковой написалъ: „Желать что нибудь страстно значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія“²⁾. И теперь онъ увѣряетъ всѣхъ на всѣ лады, что его семейное счастье послано ему рукою Промысла. Онъ отказался было отъ всякой подобной надежды, безразсудной въ его годы, но обстоятельства, рѣшившія его, „похожи на опредѣленіе свыше“, пишетъ онъ Государю (9 іюня 1840 г.), испрашивая позволенія на бракъ. „Правда, та, которую я выбралъ, по своимъ лѣтамъ могла бы быть моею дочерью, но по своему образованію, по своему характеру она способна довольствоваться просто семейнымъ счастьемъ, основаннымъ на согласіи мыслей, чувства и на сердечномъ уваженіи, не смотря на разницу лѣтъ.... Если теперь не схвачу того, что Провидѣніе представляетъ мнѣ, то завтра будетъ поздно и завтра надобно будетъ навсегда сказать, что собственное семейное счастье не должно быть здѣшнимъ моимъ удѣломъ“. Къ этому счастью онъ бросается „не какъ молодой человѣкъ, увлеченный страстію“, въ его лѣта это смѣшно, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что это возможно.— И въ другомъ письмѣ къ Государю іюля 1840 года говорится, что счастье представилось ему „неожиданно“.

Между 10/22 августа и 5 сентября того же года написано обстоятельное посланіе къ Екатеринѣ Семеновнѣ Протасовой и

1) Русская Старина 1892 г., декабрь, стр. 376.

2) См. выше стр. 227.

къ роднымъ, которымъ мы уже пользовались выше: нѣчто въ родѣ объяснительной записки-апологіи, рассказывающей исторію его любви. И здѣсь освѣщеніе то-же: все устроило Провидѣніе, даже измѣненіе маршрута Наслѣдника совершилось какъ бы съ умысломъ, чтобы въ „рѣшительныя для обоихъ минуты“ дать каждому найти свою суженую. Не было у него короткаго знакомства съ невѣстой, но оно и не нужно: все дѣло въ „вѣрѣ сердца“, во внутреннемъ голосѣ, въ этомъ „*seconde vue* будущаго“; во всемъ этомъ „одно дѣйствіе Провидѣнія“. Слѣдуютъ мечты о домашнемъ счастьѣ, ожиданія сводятся къ тому, чтобы съ помощью вѣрнаго товарища, жены, „все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобъ наконецъ расчитаться, какъ должно, со всѣмъ здѣшнимъ, подвести подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь“. — Счастье нашло его само, писалъ онъ Зонтагъ 28 августа 1840 г., „вся моя личная жизнь помолодѣла, и въ душу мою влилось никогда неиспытанное чувство *двойной* жизни, которая всему на свѣтѣ даетъ настоящее значеніе и достоинство“. Онъ вѣритъ своему счастью, „но, признаться, часто изъ этого яснаго, мирнаго свѣта, который меня теперь окружаетъ, выглядываетъ строгое лицо смерти, и невольно грусть обвивается вокругъ сердца. *Liebe ist stark wie der Tod*, написалъ мнѣ другъ на евангеліи передъ моимъ отъѣздомъ въ Дюссельдорфъ. Какъ эти слова *Liebe und Tod* близки одно къ другому! На землѣ нѣтъ счастья безъ *любви*, но его нѣтъ также и безъ *смерти*. И та и другая необходимы для того, чтобъ оно *было*. Одной душа говоритъ: *Не покидай меня!* Другой душа говоритъ: *Не уноси меня!* Одна даетъ счастію его *прелесть*, другая даетъ ему его *достоинство*. Но мысль, что всему на землѣ долженъ быть конецъ, приводитъ въ трепетъ. Есть однако противъ всѣхъ этихъ тревогъ лѣкарство — и самое простое. Оно заключается въ молитвѣ Господней. Кто можетъ читать *Отче Нашъ* такъ, какъ оно дано намъ свыше, тому на землѣ ничто не страшно, и все доброе вѣрно“.

Онъ уже три недѣли, какъ состоитъ женихомъ, пишетъ онъ 1 сентября 1840 г. графинѣ Эдлингъ: Богъ ниспослалъ ему счастье помимо его исканія; ангелъ „пожелалъ связать себя съ моею жизнью и придать ей ея дѣйствительную цѣну. Я люблю ее, какъ свою душу, не съ страстностью молодого человѣка, но съ глубокою довѣрчивостью, которая успокаиваетъ, возвышаетъ и

очищаетъ все мое существо. Она любитъ меня такъ, какъ будто я былъ молодой человѣкъ. Какъ это могло случиться, я и самъ не понимаю, но я ею обязанъ, только ей одной: ничье постороннее вліяніе не оказывало на нее своего воздѣйствія; ея безхитростное и чистое сердце соединилось съ моимъ; она его помолодила, она скрасила для меня настоящее и открыла для меня будущее, о которомъ я пересталъ уже и мечтать¹⁾. — Добрый ангелъ посланъ ему „Провидѣніемъ, которое здѣсь все устроило безъ моего вѣдома, такъ ясно и чисто, что я безъ всякаго сомнѣнія позволилъ себѣ поднять руку, чтобы взять благо, которое само далось мнѣ и котораго бы себѣ самъ ни надѣяться, ни искать не позволилъ. Это было, кажется мнѣ, приготовленнымъ и даннымъ свыше“ (къ Государю 4 октября 1840 г.).

Въ 1842 году онъ напомнилъ государынѣ вопросъ, съ которымъ она къ нему обратилась, когда онъ впервые заговорилъ съ нею о своемъ брачномъ проэктѣ. „*Mon cher, ne faites vous pas une folie?* И въ то время, какъ все еще было для меня впереди, все сомнительно, я, не запинаясь, отвѣчалъ вамъ: Нѣтъ! Я объяснилъ свое „нѣтъ“ съ полнымъ убѣжденіемъ, что еще внутреннее чувство и моя вѣра въ будущее меня не обманывали²⁾. И теперь, послѣ двухлѣтняго семейнаго счастья, онъ снова можетъ сознательно и съ благодарностью повторить: нѣтъ! (письмо къ Государынѣ 4 июня 1842 г.).

Онъ такъ-же сознательно устроилъ и матеріальную часть своего счастья, чему свидѣтельствомъ его (неизданное) письмо къ Государю (изъ Эмса въ іюлѣ 1840 г.)³⁾, полное расчетовъ и выкладокъ; въ этомъ мечтателѣ была дѣловитость, — знакомый намъ элементъ таблицъ. Онъ расположился на покоѣ, „не въ чаду счастья, хотя не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ его“⁴⁾, ничего не можетъ прибавить къ своему „смирненному, ясному счастью: оно полно“⁴⁾. „Вотъ уже болѣе полутора мѣсяца, какъ я женатъ, пишетъ онъ Наслѣднику цесаревичу, „мнѣ подъ старость

1) Русская Старина 1902 г., апрѣль, стр. 185—6. Сл. письмо къ А. О. Смирновой 9 сентября 1840 г.

2) Сл. письмо къ Авд. Петр. Елагиной 21 апрѣля 1841 г.

3) Къ Ал. Ив. Тургеневу 1841 г., 21 июня.

4) Къ имп. Александрѣ Федоровнѣ 7/19 августа 1841 г. (неизданное).

досталась молодая жена, которая могла бы быть мнѣ внучкою, но которая принесла неувядшей душѣ моей молодое, чистое счастье“; для него „семейная жизнь есть просто покойный, смиренный пріютъ передъ концомъ житейской дороги“, благо, данное отъ Бога, въ которомъ онъ видитъ „не столько настоящую прелесть жизни, сколько ея освященіе и облагородствованіе для будущаго“, оно далось ему „такимъ, какого я всегда желалъ въ поэтическіе дни молодости“ (1841 г. августа 3/15 ¹). Вскорѣ онъ узнаетъ, что „семейная жизнь есть школа терпѣнія“, что „страданіе одинокаго человѣка суть страданія эгоизма; страданія семьянина суть страданія любви“. У него обновился страхъ потерять то, что ему всего драгоценнѣе, и онъ уже успѣлъ прочесть „предисловіе“ своего будущаго, на которое смотритъ съ покорностью и вѣрой; вѣра „дается всякому, кто ищетъ ея, но въ жизни семейной она скорѣе объемлетъ душу и глубже въ нее входитъ“ ²).

19 апрѣля 1842 года онъ ждалъ рожденія ребенка: „Но да будетъ воля Твоя! Это я всякій день читаю, но еще не достигъ до того (далеко, далеко не достигъ), чтобы вся моя жизнь была не иное что, какъ это слово; пока этого не будетъ, жизнь не должно считать жизнью. Мы на свѣтѣ для того только, чтобы говорить это слово (во всемъ его смыслѣ); все остальное пыль и прахъ. Теперь я только это вполнѣ понимаю, но, къ несчастію, въ то-же время чувствую, какъ я ужасно далекъ отъ этой верховной, единственной цѣли. Кратчайшій или вѣрнѣйшій путь къ ней ведетъ черезъ семейство“ (къ Ал. Мих. Тургеневу 19 апрѣля 1842 г.) ³).

Въ первый разъ въ жизни онъ не одинокъ, но онъ узналъ, что счастье „покупается дорогою цѣною (къ государынѣ, марта 1842 г.), что если безъ семьи нѣтъ счастья, то только въ ней встрѣчаются „и настоящія муки сердечныя“ (Наслѣднику 14 октября 1843 г.) — и ему вспоминается завѣтъ семьянина Карамзина: никому не брать на себя „крестъ семейной жизни“ (Ал. Мих. Тургеневу 1844 г. 8 ноября). Какъ усталый путникъ Шамиссо онъ могъ жаловаться на тяжесть выпавшаго на его долю креста, но при выборѣ изъ всѣхъ „крестовъ земныхъ“

1) Сл. письмо къ нему-же 16 февраля того-же года.

2) Къ нему-же 23 декабря 1841 г. / 4 января 1842 г.

3) Русская Старина 1892 г., декабрь, стр. 373—4.

выбралъ бы „самый тотъ, который онъ уже несъ“ („Выборъ креста“ 1845 г.).— Чаша брачная—во спасеніе души: нигдѣ такъ, какъ въ семьѣ, не познакомишься съ собою и не почувствуешь необходимость вѣры въ нашего Спасителя! Все обманчивое, мечтательное исчезаетъ передъ простой, неукрашенной, строгой Божьей правдой. Если порой сердце и „засмолился“ житейскими тревогами, то онѣ „разрабатываютъ“ нашу душу (Ев. Ив. Мойеръ 4/16 сентября 1845 г.)¹).—Теперь только онъ постигъ высокую цѣну терпѣнія, „но не все то имѣешь, что знаешь. Семейная жизнь есть школа терпѣнія, горнь души, въ которомъ она можетъ очиститься. Говорю такъ оттого, что именно въ счастливѣйшее время жизни испыталъ много такихъ тревогъ, какихъ сердце не вѣдало въ прежнемъ безпечномъ бытѣ эгоистическаго одиночества. То, что говорю, не есть однако жалобы, а опытъ, высокій опытъ души, которая изъ настоящихъ благъ жизни выводитъ одну только истину, что жизнь есть школа терпѣнія. А терпѣніе, говоритъ апостоль, даетъ опытность, опытность надежду, надежда же не посрамитъ“ (Ал. Мих. Тургеневу 6 апрѣля 1846 г.)²).

И позже слышатся эти тихія сѣтованія. Семейное счастье— „вѣнецъ божественный“, въ него вплетены тернія изъ того вѣнца, передъ которымъ всѣ другіе вѣнцы исчезаютъ (къ Смирновой 23 февраля 1847 г.). Болѣзнь жены, утрата близкихъ, собственные годы наводили на мысль о смерти, и онъ увѣрялъ себя, какъ встарь, что смерть „великое благо“ (къ Гоголю 20 февраля 1847 г.). „Того, что называется земнымъ счастьемъ у меня нѣтъ; но я и не хлопочу о земномъ счастьи, прошу только одного (и это было бы верхъ милосердія Божія)—даровать мнѣ возможность донести, не упавъ, мой крестъ до могилы. Не изъясните однако неправильнымъ образомъ этого слова: счастья нѣтъ. Того, что называется обыкновенно счастьемъ, семейная жизнь не дала мнѣ, ибо вмѣстѣ съ тѣми радостями, которыми она такъ богата, она принесла съ собою тяжкія, мною прежде не испытанныя тревоги.... Но эти-то тревоги и возвысили понятіе о жизни; онѣ дали ей совсѣмъ иную значительность. Помогите только Богъ устоять на ногахъ подъ бременемъ благодатнаго креста его!“ (къ Наслѣднику 5/17 октября 1848 г.).

1) Зейдлицъ I. с. стр. 209—10.

2) Русская Старина 1892 г., декабрь, стр. 388.

„Не покоемъ семейной жизни дано мнѣ подѣ старость наслаждаться.... крестъ мой не легокъ, иногда тяжелъ до упада“ (къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.). Господь милостиво далъ ему „розы семейной жизни“, не уничтоживъ колючекъ, и онъ не ропщетъ: „въ этихъ колючкахъ много его благодати“ (къ Булгакову 1/13 июля 1850 г.).

А затѣмъ являлись просвѣты покоя, и онъ чувствовалъ себя хорошо въ уютномъ комфортабельномъ своемъ домика, который такъ обстоятельно описалъ имп. Александрѣмъ Теодоровичемъ¹⁾ и такъ идиллически въ посланіи къ вел. кн. Александрѣмъ Николаевичемъ (посвященіе Наля и Дамаянты):

Я увидѣлъ

Себя на берегу рѣки широкой:
 Садилось солнце; тихо по водамъ
 Суда, сіяя,плыли, а за ними
 Серебряный тянулся слѣдъ; вблизи
 Въ кустахъ свѣтлѣлся домикъ; на порогѣ
 Его дверей хозяйка молодая
 Съ младенцемъ спящимъ на рукахъ стояла....
 И то была моя жена съ моею
 Малюткой дочерью.... И я проснулся,
 И милый сонъ мой сталъ блаженной былью.

Старый сентименталистъ проснулся на яву, очарованное „тамъ“ его „Весенняго чувства“ (1816 г.) очутилось на мигъ очаровательнымъ „здѣсь“ среди окружившихъ его дѣтскихъ головокъ. За его „теперешній живой заборъ не залетаетъ воспоминаніе о прошедшемъ: оно здѣсь чужой гость“²⁾. Но воспоминаніе залетало, потому что — „для сердца прошедшее вѣчно“. Онъ могъ говорить, что для него „началась новая жизнь, отдѣльная отъ прошлой“, и поправлялъ себя: „лучше сказать, заступающая ея мѣсто“³⁾. *„Прежніе спутники бывшаго міра моего далеко; вокругъ меня новый міръ, и все въ немъ иное. И не смотри на это измѣненіе въ прежнія связи такъ крѣпки, такъ чувствительны сердцу,*

1) Письмо марта 1842 г.; сл. письмо къ Гоголю 10 февраля 1847 г. въ отчетѣ Имп. Публ. Библ. за 1887 г., приложение стр. 50.

2) Къ кн. Вяземскому 2 июля 1847 г., къ Булгакову 25 апрѣля / 7 мая 1842 г.

3) Къ Наслѣднику 1/13 января 1842 г.

какъ будто ничто не протѣснилось между мною и этимъ милымъ прошедшимъ. И это такъ быть должно. Въ моемъ прошедшемъ самое драгоценное было и есть для меня то, что было любезно сердцу; оно не подвержено вліянію времени, мести и обстоятельствъ. Все остальное, внѣшнее, есть только случайный придатокъ. Первое никогда не теряется; измѣненіе или потеря послѣдняго не можетъ быть замѣтна.... Сошедши съ первой дороги моей на тихую стороннюю тропинку семейной жизни, я не разстался ни съ однимъ милымъ товарищемъ моего прежняго путешествія¹⁾. Такъ увѣрялъ онъ себя, что „милое минувшее“ дружилось съ настоящимъ²⁾, и онъ звалъ къ себѣ это минувшее: тамъ и родныя могилы, и воспоминанія дѣтства; онъ просилъ Зонтагъ записать ихъ „для составленія собственныхъ записокъ“, и она доставляла ему „предлинныя посланія, которыя напоминаютъ ему веселое прошедшее“; онъ хранитъ ихъ, готовится перечитывать³⁾.

Чувство жизни обуяло его теперь; когда то его манила его слащавая идиллія Гебеля, теперь патриархальная жизнерадостность Гомера. Поздравляя Ек. Ив. Мойеръ, дочь своей Маши, съ вступленіемъ въ бракъ, онъ шутитъ: Гомеръ предвидѣлъ этотъ бракъ и, назвавъ невѣсту, на всякій случай, Навзикаей, напутствовалъ ее:

О, да исполнять безсмертныя боги твои всѣ желанья,
Давши супруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ въ домѣ,
Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водворяется счастье,
Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній порядокъ,
Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на радость, недобрымъ
Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую славу.

Жена Жуковскаго приписала поученіе изъ I кн. Царствъ VII 66: Sie gingen zu ihren Hütten fröhlich und guten Muthes über allem dem Guten, das der Herr an seinem Volke gethan hatte⁴⁾.

1) Ему-же 15/27 іюня 1848 г.

2) „Вел. кн. Маріи Павловнѣ, привѣтствіе отъ русскихъ, встрѣтившихъ ее въ Баденѣ“ 1851 г. — Свидѣтели его первыхъ „связей и мечтаній“ не раздѣляли этой увѣренности. Сл. Зейдлицъ I. с. стр. 171—2.

3) Зонтагъ къ А. М. Павловой 5 ноября 1850 г. въ Отч. Имп. Публ. Библ. за 1893 г. стр. 135 слѣд.

4) Зейдлицъ I. с. стр. 213—214.

И въ эту то классическо-библейскую живнерадостность вторгалось печальное *memento mori*: семейное счастье далось поздно, ненадолго; вотъ почему Жуковскому почуялась въ Гомерѣ меланхолія неизбѣжной утраты, и онъ спасался отъ нея въ „святую“ прозу своихъ духовно-нравственныхъ размышлений, отрываясь отъ идилліи Одиссеи.

2.

Жуковскій принялся переводить ее съ нѣмецкаго подстрочника, сдѣланнаго для него Грасгофомъ¹⁾, окруживъ себя переводами Попа и Фосса²⁾; ищетъ переводовъ Рошфора и Коупера³⁾; трудится въ теченіе семи лѣтъ, прерывая работу лишь по нездоровью, методично, отмѣчая, по знакомой намъ системѣ таблицъ, сколько въ такомъ-то году и мѣсяцѣ переведено было пѣсенъ⁴⁾. Онъ увлеченъ, старается угадать смыслъ подлинника въ „галиматьѣ подстрочника“, соблюсти не только „вѣрность поэтическую“, но и „буквальную“. „Новѣйшая поэзія,

1) Въ письмѣ къ наслѣднику 29 января 1842 г.: переводить „съ оригинала“ съ помощью „знающаго весьма хорошо греческій языкъ профессора“.

2) Кромѣ Фосса у него переводы въ прозѣ: нѣмецкій, два французскихъ и одинъ „архиглупый“ русскій (къ вел. кн. Константину Николаевичу 28 октября/9 ноября 1842 г.). Съ Попо и Фоссомъ, на котораго ему указывалъ еще Уваровъ, онъ знакомъ съ 1810 года: въ Фоссовомъ переводѣ болѣе истиннаго Гомера, чѣмъ у Попе; Фоссъ сухъ, Попе раздутъ, употребляетъ выраженія, приличныя новѣйшимъ метафизикамъ, но языкъ его стихотворенъ. По настоящему надо читать ихъ вмѣстѣ (къ Ал. Тургеневу 12 сентября 1810 г.). Въ 1828 г. Жуковскій переводилъ для своего воспитанника отрывки Иліады по Фоссу и Попе и удивляется, какъ при своемъ поэтическомъ дарованіи Попе могъ „такъ мало чувствовать несравненную простоту своего подлинника, который совершенно изуродовалъ жеманнымъ своимъ переводомъ“ (къ Ал. Тургеневу 1828 г. 2/14 сентября). Объ отрывкѣ различныхъ мѣстъ Иліады, напечатанномъ въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ 1829 г. Жуковскій писалъ, что это „отголосокъ отголоска“: онъ „угадывалъ“ Гомера по переводамъ Фосса и Штольберга, соединяя отрывки собственными стихами. Въ 1830 году онъ говорилъ И. В. Кирѣевскому, что по окончаніи своего педагогическаго дѣла ему „хочется возвратиться къ поэзіи и посвятить остальную жизнь греческому и переводу Одиссеи“ Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевскаго т. I стр. 26 (письмо 20 января 1830 г.).

3) Къ Ал. Тургеневу 1844 г. октябрь: Соорер.

4) Зейдлицъ I. с. стр. 227.

конвульсивная, истерическая, мутящая душу, мнѣ опротивѣла, пишетъ онъ вел. кн. Константину Николаевичу (26 октября 1842 г.), хочется отдохнуть посреди свѣжихъ видѣній первобытнаго міра“.

Въ самомъ началѣ увлеченія посѣтилъ его дюссельдорфскій домикъ Погодинъ. „Древній и новый міръ, язычество и христіанство, классицизмъ и романтизмъ являются на стѣнахъ его въ прекрасныхъ картинахъ, записалъ онъ въ дневникѣ: здѣсь сцены изъ Гомера, тамъ жизнь Іоанны Даркъ; впереди Дрезденская и Корреджіева Мадонна, молитва на лодкѣ бѣднаго семейства, Рафаель и Дантъ, Сократъ и Платонъ“. Жуковский прочелъ Погодину двѣ пѣсни Одиссеи, объяснивъ ему правила, которыхъ держался въ переводѣ; прочелъ нѣсколько отрывковъ Наля и Дамаянти. Къ откровеніямъ Германіи, Англіи, Испаніи, съ которыми познакомилъ насъ Жуковский, присоединяется еще Индія, древность Одиссеи, замѣчаетъ Погодинъ, и самъ не удержался, присталъ къ Жуковскому съ старой просьбой, „чтобъ онъ взялся за Патерикъ, воспѣлъ основаніе печерской церкви, для котораго Несторъ и Симонъ представляютъ ему такія живыя краски, такое богатое, полное расположеніе“¹⁾. Не въ связи ли съ этой фантазіей Погодина стоитъ увѣщаніе Жуковскому А. Я. Булгакова: „перестань перелагать русскую исторію въ стихи: будетъ съ тебя Гомера“²⁾.

Весь 1843-й годъ Жуковский провелъ въ восторгахъ переводнаго творчества. „Я живу въ мірѣ Гомера и, прислушиваясь къ сладкому пѣнію, не слышу визговъ сумасшедшаго Гервега и комп, которымъ рукоплескаетъ еще не образумѣвшаяся молодость, посреди которой встрѣчаются и молокососы съ просѣдью“³⁾. — Старуха Одиссея „идетъ хорошимъ, но еще весьма медленнымъ шагомъ, не раскачалась еще. До сихъ поръ

1) Барсуковъ, Жизнь и Труды М. П. Погодина т. VII, стр. 48—9. — „8/20 октября 1841 г. Дюссельдорфъ“ подписанъ отрывокъ въ 12 стиховъ, нач. „Всесилень Богъ! Предъ намъ всесильна вѣра! Онъ намъ сказалъ: Кто вѣруетъ, вели горамъ идти—онѣ пойдутъ!“ Объ этомъ чудѣ долженъ былъ разсказать „рабъ недостойный Божій, инокъ Климентъ“ на поученіе потомкамъ, чтобы они признали свое ничтожество передъ Господомъ „и въ томъ признаньи Спасеніе души своей нашли“.

2) Русскій Архивъ 1902 г. Іюль, стр. 456: письмо 17 ноября 1842 г.

3) Къ Наслѣднику 1 генваря 1843 г. Сл. дневникъ того-же года подь 2 генваря.

моя муза въ пеленкахъ моей дочки¹⁾. Гоголь желалъ бы пожить въ уединеніи съ пріятелемъ: Жуковскій работалъ бы надъ Одиссеей, онъ надъ „Мертвыми Душами“²⁾. Посылая Плетневу своего „Маттео Фальконе“, Жуковскій кается, что „совсѣмъ раззнакомился съ риемой“, за то принялся за болтовню и сказки, и ему весело подлаживаться подъ „свѣтлую, патріархальную простоту“ Гомера, забывая за ней эти уродливыя гримасы, которыми искажаютъ ея лицо „современные самозванцы поэты“³⁾. Воспользовавшись своей поѣздкой въ Берлинъ, онъ читалъ Фарнгагену фонъ Энзе часть первой пѣсни Одиссеи, прося его слѣдить по подлиннику⁴⁾ — и просить Гоголя рекомендовать Смирновой его „рождающуюся 3000-лѣтнюю дочку“, которую любить „почти какъ родную“⁵⁾, а Смирнова записываетъ: „Одиссея подвигается и даетъ ему (Жуковскому) особую ясность и спокойствіе. Миръ грековъ его молодитъ“⁶⁾. Поэзія „призывала ко мнѣ гигантскую тѣнь Гомера, пишетъ онъ Государынѣ (12/24 октября 1843 г., Дюссельдорфъ)⁷⁾, и я рассказываю по русски то, что онъ рассказалъ, за 3000 почти лѣтъ, по гречески, перевозу Одиссею. Хочется перевести ее такъ, чтобы въ моемъ переводѣ сохранена была ея прадѣдовская простота древняго поэта и чтобы чтеніе Одиссея сдѣлалось доступно всѣмъ возрастамъ. И въ немъ бы жило со мною теперь полное счастье, еслибы этой радостной, тихой жизни не тревожила забота о женѣ“ (ея болѣзнь). Гоголь въ восторгѣ, что Жуковскій пребываетъ въ періодѣ творчества, когда человѣкъ становится „доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія“ (къ

1) Къ Булгакову 10/22 февраля 1843 г.

2) Къ Жуковскому 28 марта 1843 г.

3) Къ Плетневу 1843 („Маттео Фальконе“ написанъ 17—19 Марта ст. 1843 г.).

4) „Тайный совѣтникъ Жуковскій пробылъ у меня три часа, отмѣтилъ Фарнгагенъ въ своемъ дневникѣ подъ 13 сентября 1843 г.: онъ провѣряетъ со мною свой переводъ Одиссеи, сдѣланный гекзаметрами; моя обязанность — слѣдить по подлиннику стихъ за стихомъ. Онъ прочелъ мнѣ часть первой пѣсни, потомъ изъ Пушкина и проч. Добродушный, словоохотливый старичекъ, etwas zu demuthig gegen den Hof. Странное впечатлѣніе производитъ, при его добродушіи, подсматривающіе (lachelnden), недовѣрчиво-улыбающіеся глаза“ (lachelnd—misstrauischen).

5) Второй половины сентября 1843 г. Русская Старина 1902 г. апрѣль стр. 187.

6) Записки А. О. Смирновой, Сѣвер. Вѣстн. 1895 г., ноябрь, стр. 107.

7) Письмо неиздано.

Жуковскому 2 декабря 1843 г.). Это будет послѣдній памятникъ его жизни, достойный отечества, если совершится, какъ должно (Жуковскій къ Наслѣднику 17/29 декабря 1843 г.).

Новый, личный элементъ вторгался въ поэзію старика, не знавшаго „молодости“, нашедшаго позднее, боязливое успокоеніе въ семьѣ. „Какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ подслушиваніи рождающейся изъ пѣны морской Анадіомены (ибо она есть символъ Гомеровою поэзію), въ этомъ простодушіи слова, въ этой первобытности нравовъ, въ этой смѣси дикаго съ высокимъ, вдохновеннымъ и прелестнымъ, въ этой живописности безъ всякаго излишества, въ этой незатѣйливости выраженія, въ этой болтовнѣ, часто излишней, но принадлежащей характеру безъискусственному, и въ особенности въ этой меланхоліи, которая нечувствительно, безъ вѣдома поэта, кипящаго и живущаго окружающимъ его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія не есть дѣло фантазіи, создающей произвольно грустныя, ни на чемъ не основанныя сѣтованія, а заключается въ самой природѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все имѣло жизнь, пластически могучую въ на стоящемъ, но и все было ничтожно, ибо душа не имѣла за границей міра своего будущаго и улетаала съ земли безжизненнымъ призракомъ; и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипѣнія жизни настоящей, никому не шептала своихъ великихъ всеоживляющихъ утѣшеній“¹⁾.

1) Къ Кирѣевскому 1844 г. Это письмо, очевидно, тождественно съ тѣмъ, о которомъ въ письмѣ къ Жуковскому 2 декабря того-же года упоминаетъ Гоголь, какъ писанномъ къ Елагиной („объ Одиссеѣ“; въ его-же письмѣ къ Языкову 1845 г. 2 января говорится о замѣчательномъ письмѣ Жуковскаго къ Авд. Петр. Елагиной и И. В. Кирѣевскому. Письмо къ Кирѣевскому напечатано въ Москвитянинѣ 1845 г. I ч. 39 стр. „съ позволенія почтенной особы, къ которой оно адресовано“; извлеченія изъ него въ Отчетѣ Имп. Ак. Наукъ по отд. русск. яз. и сл. за 1845 г стр. 24 слѣд. составленномъ П. А. Плетневымъ. Страшно его заявленіе, что свѣдѣнія для отчета заимствованы изъ писемъ Жуковскаго къ двумъ академикамъ, изъ которыхъ одинъ издавалъ Современникъ (Плетневъ), другой Москвитянинъ (Погодинъ), тогда какъ текстъ отчета воспроизводитъ письмо къ Кирѣевскому. О какихъ другихъ письмахъ идетъ рѣчь?— Плетневъ читалъ письмо Жуковскаго къ кн. Вяземскому, „гдѣ онъ подробно рассказываетъ о способѣ, какъ переводить Одиссею. Въ этомъ письмѣ есть нѣсколько и другихъ интересныхъ разсказовъ.... Между прочимъ, Жуковскій въ этомъ письмѣ съ большою нѣжностью и участіемъ говоритъ о Карамзиной и ея дѣтяхъ“. Сл. Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, журналъ 24 и 25 марта 1844 г., т. II стр. 217 и 218.

Гоголь слѣдитъ за ходомъ работы, думаетъ съ удовольствіемъ, какъ они будутъ читать другъ другу „дѣла свои“¹⁾. Жуковскому „дѣятельность по сердцу, вдохновенныя, уединенныя бесѣды съ гениемъ Гомера и гармоническій голосъ его музы, слитый часто съ звонкимъ голосомъ малютки-дочери“²⁾. Гоголь читалъ въ рукописи первыя двѣнадцать пѣсенъ³⁾, переводъ которыхъ оконченъ 28 декабря 1844 года⁴⁾. „Вы такъ награждены Богомъ, какъ ни одинъ человекъ еще не былъ награжденъ“, пишетъ онъ Жуковскому, принимавшему къ сердцу всякія мелочи и продолжавшему страдать „безпокойствомъ и раздражительной боязнью духа“: на вечерѣ его дней Богъ послалъ ему такое счастье, которое другому не дается и въ цвѣтущій полдень жизни—ангела-жену; Онъ-же внушилъ ему мысль „заняться великимъ дѣломъ творческимъ“, показалъ надъ нимъ чудо, „какое едва-ли когда доселѣ случалось въ мірѣ: возрастаніе гения и восходящую съ каждымъ стихомъ и созданіемъ его силу въ такой періодъ жизни, когда въ другомъ поэтѣ все это охладѣваетъ и мерзнетъ“⁵⁾. „Переводъ этотъ рѣшительно есть вѣнецъ всѣхъ переводовъ, когда-либо совершавшихся на свѣтѣ, и вѣнецъ всѣхъ сочиненій, когда-либо сочиненныхъ Жуковскимъ“⁶⁾. И самъ Жуковский надѣется занять уголокъ въ памяти потомства: „нѣтъ ничего очаровательнѣе чистой поэзіи. Повторять вѣрно на своемъ языкѣ то, что гармонически сказано было ею въ тѣ первобытныя времена, когда она еще говорила младенческимъ языкомъ природы и истины, есть неопи- санное наслажденіе; и это наслажденіе даетъ мнѣ изобильно бесѣда съ моимъ Гомеромъ, который могучъ, какъ Зевесъ-Громо-

1) Къ Жуковскому 8 января 1844 г.

2) Къ Наслѣднику 1/13 апрѣля 1844 г.

3) Зейдлицъ 1. с. стр. 225; сл. письмо Жуковскаго къ Плетневу 8/15 февраля 1850 г.

4) По реестру у Зейдлица. Сл. письма къ Плетневу 9 февраля 1845 г. („наканунѣ новаго года“. Сл. Переписку Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ II, стр. 408) и 1 июля и къ вел. кн. Константину Николаевичу 21 октября/2 ноября 1845 года. „Недавно кончилъ онъ 8 пѣсенъ Одиссеи“ (Мельгуновъ къ Шевыреву 10/22 октября 1844 г., у Кириичникова, Оч. по исторіи новой русской литературы, т. II, 2 изд. стр. 199). Сл. письмо Шевырева къ Гоголю 15/27 ноября 1844 г. въ Отч. Имп. Публ. Библ. за 1898 г. Приложеніе, стр. 19.

5) Къ Жуковскому на 1845-й годъ.

6) Гоголь Языкову 2 января 1845 г.

вержець, чистъ, какъ Харита, простодушенъ, какъ Психея, и говорливъ, какъ лишенный зрѣнія старикъ-проричатель, которому въ слѣпотѣ его видится прошедшее и будущее и который знаетъ, что около него толпится многочисленный народъ, внимающій чудному его пѣснопѣвию¹⁾. — „Моя Одиссея будетъ моимъ твердѣйшимъ памятникомъ на Руси, писалъ Жуковскій Плетневу²⁾; она, если не ошибаюсь, вѣрна своему греческому отцу Гомеру; въ этомъ отношеніи можно ее будетъ почитать произведеніемъ оригинальнымъ. И будетъ великое дѣло, если мнѣ моимъ переводомъ удастся пробудить на Руси любовь къ древнимъ, какъ нѣкогда я подружилъ ихъ съ поэзіею нѣмцевъ“.

Въ отвѣтъ на письмо Языкова³⁾ написана статья Гоголя „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ“, появившаяся въ „Перепискѣ съ друзьями“ (1845 г.). Авторъ исправилъ ее и старался распространить по журналамъ, „чтобы публика была нѣсколько приготовлена къ принятію Одиссея⁴⁾, но статья, полная парадоксовъ и елейныхъ широковѣщаній, встрѣчена была насмѣшкой и сомнѣніями. Оказывалось, что „вся литературная жизнь Жуковскаго была какъ бы приготовленіемъ“ къ переводу, и это не переводъ, а, скорѣе, „возсозданіе, возстановленіе, воскресеніе“ Гомера. Предвидѣлось нравственное вліяніе Одиссеи на всѣхъ и cadaго: она научить не унывать среди бѣдствій, какъ не унывалъ и Одиссей, обращавшійся въ трудную минуту къ своему сердцу, „не подозрѣвая самъ, что таковымъ внутреннимъ обращеніемъ къ самому себѣ онъ уже творилъ ту внутреннюю молитву къ Богу, которую въ минуту бѣдствій совершаетъ всякій человѣкъ, даже не имѣющій никакого понятія о Богѣ“.

1) Вел. кн. Константину Николаевичу 21 октября / 2 ноября 1845 г.

2) 1 іюля 1845 г.

3) 14 декабря 1844 г. Языковъ писалъ Гоголю изъ Москвы: „Здѣсь ходитъ слухъ, что у Василя Андреевича уже готово 10 пѣсень Одиссеи и что онъ написалъ еще сказку? Наша Одиссея перешибетъ всѣ возможные переводы: это будетъ памятникъ, про который можно будетъ сказать, что „металловъ крѣпче онъ и лучше (sic) пирамидъ“. Русская Старина 1896 г. декабрь стр. 629.

4) Гоголь къ Плетневу іюля 4 и 20 1846 г. См. примѣчанія Шенрокá къ изданнымъ имъ письмамъ Гоголя. Статья Гоголя напечатана Плетневымъ въ Современникѣ 1846 г. XLIII, стр. 175—188.

Тогда какъ Шевыревъ восторженно совѣтовалъ Гоголю написать „предисловіе“ къ Одиссеѣ Жуковскаго (29 іюля 1846 г. ст. ст.)¹⁾, И. С. Аксаковъ писалъ отцу: „Вчера прочелъ я письмо Гоголя объ Одиссеѣ. Многое чудесно хорошо; появленіе Одиссеи можетъ быть замѣчательно, какъ фактъ, въ XIX вѣкѣ, но появленіе ея въ Россіи не можетъ имѣть вліянія на современное общество, на европейское. Одиссея не выльчитъ запада, не уничтожитъ его исторіи, а насъ, русскихъ, не примиритъ съ порядкомъ вещей, а вліяніе ея на русскій народъ — мечта. Точно будто нашъ народъ читаетъ что-нибудь — есть ему время! А Гоголь именно налегаетъ на простой русскій народъ. Нѣтъ, долго, слишкомъ долго зажился онъ за границей. Что и говорить, Одиссея подѣйствуетъ благотворно на душу отдѣльнаго человѣка, и не одного. Но какъ хороши эти невыблемыя, величавыя созданія искусства между нашей мелкою дѣятельностью, какъ нѣмѣетъ передъ ними наша кропотливая талантливость!“²⁾.

Жуковскому желательно было бы услышать мнѣніе своего пріятеля Стурдзы, слышшаго не только богословомъ, но и знатокомъ Гомера; „его одного мнѣніе въ семъ отношеніи перевѣситъ для меня всѣхъ нашихъ (и чужихъ) литераторовъ (до которыхъ, вѣроятно, мнѣ нѣтъ никакого дѣла, ибо мой трудъ предпринять не для угожденія вкусу нашего времени и даже не для приобрѣтенія лоскуточка славы, который въ наше время сдѣлался нечистою тряпкою, а просто для наслажденія поэзіею во всей ея дѣвственной чистотѣ). Мнѣніе же Стурдзы было бы для меня поэтическою потѣхою (?) и въ то же время вѣрною оцѣнкою труда высокаго“³⁾.

Въ іюлѣ 1847 года Жуковскій „тріумвиратствовалъ“ въ Эмсѣ съ Гоголемъ и Хомяковымъ. „Добродушный, пріятный собесѣдникъ, писалъ о немъ Жуковскій, онъ мнѣ всегда былъ по нутру; теперь я впился въ него, какъ паукъ голодный въ муху: навалилъ на него чтеніе вслухъ моихъ стиховъ, это са-

1) Отч. Имп. Публ. библи. за 1893 г. Приложение стр. 26.

2) И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, I стр. 353 См. сходный отзывъ кн. Вяземскаго въ статьѣ: Языковъ и Гоголь (1847 г.), Полн. собр. соч. II, стр. 325.

3) Къ Сѣверину 10 апрѣля н. ст. 1846 г. Русская Старина 1902 г. апрѣль стр. 164—5.

мое лучшее средство видѣть ихъ скрытые недостатки; явные всѣ были мною замѣчены, и, сколько могъ, я съ ними сладилъ¹⁾. По отъѣздѣ изъ Эмса Хомякова и Гоголя явился Тютчевъ: „онъ пріѣхалъ въ Эмсъ нарочно для меня и для Одиссеи, прожилъ тамъ до моего отъѣзда, заставилъ меня прочесть ему Одиссею“, которую дочиталъ у Жуковского во Франкфуртѣ²⁾.

Первыя двѣнадцать пѣсенъ Одиссеи, процензурованныя въ Петербургѣ 30 октября 1847 года, высланы были Жуковскому для напечатанія за границей при письмахъ Плетнева и Уварова³⁾. Плетневъ читалъ Одиссею въ рукописи, предложилъ Жуковскому нѣсколько замѣчаній⁴⁾, но въ восторгѣ отъ языка, не уклонившагося „отъ церковнославянскихъ словъ“ и не принявшаго „выраженій простонародныхъ, которыми нѣкоторые изъ нашихъ умниковъ совѣтовали возсоздать простоту первобытныхъ вѣковъ“.

Любопытно было бы знать, какъ приглянулся тогда переводъ Одиссея Хомякову и Тютчеву; извѣстенъ отзывъ В. В. Кирѣевского. Ему удалось просмотрѣть вторую тетрадь перевода (7—12 пѣсни) еще въ рукописи, и онъ рассказываетъ о своемъ впечатлѣніи А. М. Языкову. „Читается переводъ легко и пріятно, но замѣтно, что читаешь переводъ. Судя по словамъ Жуковского въ Наблюдателѣ Московскомъ надобно было ожидать языка самаго простого, а между тѣмъ послѣ стиховъ и словъ самыхъ чистосердечно-простыхъ частенько встрѣчаются выраженія и обороты языка церковнаго: понеже, напр., глава, гласъ и проч.... Нѣкоторые эпитеты, постоянно повторяющіеся и у Гомера, переведены не совсѣмъ удачно: Нептунъ земледержецъ“ (вм. Земленосецъ). „Мнѣ все кажется, что теперь возможенъ переводъ Гомера, потому что мы ознакомились съ языкомъ *первобытной, народной*, не искусственной поэзіи; таковъ языкъ Гомера, и, слѣдовательно, переводить его надо такимъ

1) Къ кн. Вяземскому, 3/15 іюля 1847 г., Русскій Архивъ 1866 г. ст. 1073—4. Хомяковъ обѣщалъ примѣчанія къ Одиссеѣ, которыя Жуковский отклонилъ, ибо Одиссея должна была явиться въ общемъ собраніи его сочиненій. Сл. Русскій Архивъ 1884 г. № 5, стр. 229.

2) Къ Хомякову 12/24 сентября 1847 г.

3) Письмо Уварова въ Перепискѣ Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ III стр. 732.

4) Письма 30 октября и 17, 28 ноября 1847 г.

языкомъ, по крайней мѣрѣ, какимъ Пушкинъ перевелъ пѣсни Западныхъ славянъ“¹⁾).

А Жуковскому казалось, что онъ сохранилъ всю „свѣ-
жесть“ Гомерскаго языка! Посылая Уварову первыя двѣнад-
цать пѣсенъ съ просьбою быть его ходатаемъ передъ цензу-
рой, онъ повторяетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, характерис-
тику гомеровской поэзіи въ письмѣ къ Кирѣевскому: „Пере-
шедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни,
мнѣ захотѣлось повеселить душу первобытной поэзіей, которая
такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно
украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не
стремитъ ни въ какую туманную даль.... Муза Гомерова озо-
лотила много часовъ моей устарѣлой жизни“²⁾).

Сообщая Ал. Мих. Тургеневу, что онъ началъ печатать
полное собраніе своихъ сочиненій, онъ предупреждаетъ его,
что новаго въ нихъ будетъ не мало; „но кто будетъ читать это
новое? Весьма уже немного остается тѣхъ, для кого я писалъ:
новое поколѣніе не обратитъ на меня того благоволящаго вни-
манія, какое удѣляли мнѣ мои современники. О жизни въ по-
томствѣ я не мечтаю. Одно отъ меня, вѣроятно, останется по-
томству: переводъ Одиссеи, ибо въ этомъ переводѣ *сохранена
вся свѣжесть гомеровою поэмы*, и то, что жило 3000 лѣтъ, не увѣ-
дая, не увянетъ и въ моемъ русскомъ образѣ. *Этотъ переводъ
почитаю своимъ лучшимъ, главнымъ поэтическимъ произведеніемъ*“
(1847 г. 11 ноября н. ст.)³⁾).

Въ апрѣлѣ—маѣ 1848 г. первыя двѣнадцать пѣсенъ „почти
отпечатаны“⁴⁾, первый томъ вышелъ въ томъ-же году, хотя съ
помѣтою 1849 года, и Жуковскій доставилъ его вел. кн. Констан-
тину Николаевичу, которому и посвятилъ свой трудъ⁵⁾. „Сію
минуту только чудака Гоголь сказалъ мнѣ, что получена Одис-
сея, писалъ Погодинъ Шевыреву; такъ хочется почитать что-
нибудь успокоительное — изящное“; а подъ 18 ноября онъ за-
писалъ въ своемъ дневникѣ: „Получилъ Одиссею отъ Жуков-

1) Русская Старина 1883 г., сентябрь стр. 632.

2) Письмо къ Уварову печатается съ датой 1848 года.

3) Русская Старина 1892 г., ноябрь, стр. 392—3.

4) Письмо Жуковскаго къ вел. кн. Константину Николаевичу 19
апрѣля / 1 мая 1848 г.

5) Къ нему-же письмо изъ Франкфурта 16/28 мая 1848 г.; сл. къ
нему-же письмо изъ Бадена 30 августа того-же года.

скаго и прочелъ первую пѣснь. Нѣтъ, это еще не просто! Предѣлы языка не раздвигаются“; 19 ноября, по прочтеніи второй пѣсни: „Нѣтъ, я проще расскажу *нашу* (?) Одиссею“ ¹⁾. А Гоголь въ письмѣ къ Плетневу уже выражаетъ опасенія, что — Одиссея не найдетъ читателей: „Ея появленіе въ нынѣшнее время необыкновенно значительно. Вліяніе ея на публику еще вдали; весьма можетъ быть, что въ пору нынѣшняго своего лихорадочнаго состоянія большая часть читающей публики не только ее не разнюхаетъ, но даже и не примѣтится. Но за то это сущая благодать и подарокъ всѣмъ тѣмъ, въ душахъ которыхъ не погасалъ священный огонь и у которыхъ сердце приуныло отъ смутъ и тяжелыхъ явленій современныхъ. Ничего нельзя было придумать для нихъ утѣшительнѣе. Какъ на знакъ Божьей милости къ намъ должны мы глядѣть на это явленіе, несущее ободреніе и освѣженіе въ наши души“ ²⁾.

Жуковскій озадаченъ письмомъ своего стараго друга Ал. Михайловича Тургенева: „Прошу васъ простить мнѣ благосклонно, что „Коть въ сапогахъ“ мнѣ болѣе по сердцу греческаго героя, писалъ Тургеневъ. Вы знаете почтенный другъ, я невѣжда — Ермолафъ, но, не обинуясь, дозволяю сказать вамъ: сочиненія Жуковскаго будутъ читать позднѣйшее потомство съ восхищеніемъ, съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, будутъ много и много разъ изданы, а переводъ его Одиссеи послѣ перваго тисненія будетъ почтенно покоиться на полкахъ въ книгохранилищахъ“ ³⁾. Жуковскій отвѣчалъ: „Хорошъ же ты?“ Вмѣсто того, чтобы потѣшиться на старости лѣтъ сказками Гомера, которыя уже три тысячи лѣтъ веселятъ добрыхъ людей (въ Россіи только онѣ не могли никого веселить, потому что ихъ нашъ покойный Соколовъ и нашъ покойный Мартыновъ чудно перепортили), ты вздумалъ на старости лѣтъ ихъ называть бреднями; правда, поэзія—бредни, и, можетъ быть, я бы не началъ переводить Одиссеи въ эту минуту, когда мнѣ 65 лѣтъ стукнуло, но за семь лѣтъ начатое надобно кончить. Но ты не брани Гомера, не называй бреднями его поэзіи. И почему же, браня

1) Барсуковъ I. с. т. X, стр. 189.

2) Плетневу 20 ноября 1848 г.; сл. къ нему-же 1849 г. 15 декабря, по поводу Одиссея: „Благословенъ Богъ, посылающій намъ такъ много добра посреди золь“.

3) Письмо начала 1848 г., Русская Старина 1898 г. генварь, стр. 252.

Одиссею, ты хвалишь „Кота въ сапогахъ“? Чѣмъ лучше Коть Лаэртова сына? Стыдись, Ермолафуска! стою не за себя, а за старика Гомера, которому я обязанъ столькими сладкими минутами. Но подобныя минуты будутъ послѣднія: кончивъ Одиссею (которую кончить обязанъ), прощусь съ милымъ бредомъ поэзіи. Надобно другимъ теперь заниматься; не веселиться безпечно въ гостинницѣ жизни, а собираться въ путь, въ отчизну, въ общій семейный домъ, до котораго уже немного станцій осталось. Прошу только Бога дать еще времени для порядочныхъ сборовъ“ (17 декабря 1848 г.)¹⁾.—Въ началѣ марта онъ надѣется кончить всю Одиссею, пишетъ онъ Плетневу, „съ поэзіей пора проститься. Мы разстанемся, однако, безъ ссоры. На послѣдокъ она мнѣ послужила вѣрою и правдою. Мнѣ кажется, что моя Одиссея есть лучшее мое созданіе: ее оставляю на память обо мнѣ отечеству“. Трудъ былъ совершенъ съ полнымъ самоотверженіемъ, для одной прелести труда; только не съ кѣмъ было подѣлиться „своимъ поэтическимъ праздникомъ“: лишь гипсовый бюстъ Гомера былъ нѣмымъ свидѣтелемъ. „Бывало, однако, и для меня раздолье, когда со мною жилъ Гоголь: онъ подливалъ въ мой огонекъ свое свѣжее масло; и еще, когда я пожилъ въ Эмсѣ съ Хомяковымъ и съ моимъ милымъ Тютчевымъ: тутъ я самъ полакомился вмѣстѣ съ ними своимъ стряпаньямъ“. Теперь онъ примется за прозу, у него уже готово на цѣлый толстый томъ²⁾, „и есть великій замыселъ, о которомъ поговоримъ, когда Богъ велитъ свидѣться. И еще для одного поэтического созданія есть планъ. Онъ былъ бы достойнѣйшимъ заключеніемъ моей поэтической дѣятельности“³⁾.

Русская публика встрѣтила Одиссею „равнодушно“, писалъ Гоголь Данилевскому (25 февраля 1849 г.), „самыя головы

1) Тамъ-же 1892 г. ноябрь, стр. 391—5.

2) Въ письмѣ къ Наслѣднику 10/22 января 1846 г. онъ говорить, что Одиссеей заключается „важный періодъ“ его жизни, періодъ поэзіи, начнется періодъ прозы: онъ посвятитъ себя воспитанію дѣтей и приведетъ въ порядокъ курсъ преподаванія по изобрѣтенной имъ методѣ; это пригодится „для вашей второй генерациа“. Сл. письмо къ нему-же 9 мая 1847 г.: по окончаніи Одиссея работы „должны получить иной характеръ“; къ фонъ-деръ Бриггену 6/18 мая 1847 г.: примется за прозу, она стала теперь для него привлекательнѣе поэзіи; „въ поэзіи, такъ сказать, языкъ надежды“, а въ его годы „надежда перешла уже за границу жизни и здѣсь ничего желаннаго сулить не можетъ“.

3) 20 декабря 1848 г.; сл. письмо къ нему-же 3/15 февраля 1850 г.

не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать спокойное художественное произведеніе“; чего-же ожидать второму тому „Мертвыхъ Душъ?“¹⁾

Между тѣмъ Сѣверинъ, котораго Жуковскій просилъ уведомить Стурдзу, что экземпляръ Одиссеи будетъ ему доставленъ²⁾, сообщилъ Жуковскому отзывъ Стурдзы о его переводѣ, и Жуковскій обрадованъ; рисуетъ въ отвѣтномъ письмѣ вѣсы: на перетягивающей чашкѣ „выписка изъ письма Стурдзы къ Сѣверину“, на другой „мнѣнія о переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго литераторовъ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи и пр. и пр., и даже Россіи. Видишь, какъ оно увѣсисто“³⁾. Онъ благодаритъ Стурдзу за отзывъ: для него тутъ не вопросъ самолюбія, а желаніе подѣлиться тѣмъ, что дорого душѣ. „Послѣдніе годы, мною проведенные вмѣстѣ съ Гомеромъ, въ тишинѣ моей семейной жизни, были счастливы“; передавая на своемъ языкѣ „его дѣвственную поэзію“, онъ спрашивался „съ геніемъ Гомера“, ему просто хотѣлось пожить поэтическимъ счастіемъ, пожить наслажденіемъ творчества. Изъ Россіи онъ еще не получалъ никакого отзыва, кромѣ отзыва вел. кн. Константина Николаевича, которому давно далъ обѣщаніе приняться за переводъ Одиссеи и посвятить его ему; письмо великаго князя порадовало его „умною, поэтическою оцѣнкою самой поэмы Гомера“. Былъ и еще одинъ „пріятный, даже слишкомъ одобрительный отзывъ извѣстнаго Фарнгагена⁴⁾, но всего дороже ему мнѣ-

1) Сл. его-же письмо къ Плетневу 2 декабря 1850 г.

2) Письмо 17/29 ноября 1848 г., Русскій Архивъ 1900 г. сентябрь стр. 43.

3) Къ Сѣверину 27 февраля / 11 марта 1849 г., тамъ-же, стр. 44.

4) Вотъ этотъ отзывъ: „Der Eindruck dieser Uebersetzung kommt dem am nachsten, den die griechische Urschrift mir giebt Derselbe Zauber der Sprache, dieselbe Einfachheit und Klarheit, derselbe epische Fluss und Wohlklang des Hexameters. Der Dichter hat den ionischen Reiz und Glanz Vater Homers in skythischen Lauten wiederholt, die aber freilich dem hellenischen verwandter sind, als man gewöhnlich denkt Die unschätzbaren Anlagen der russischen Sprache zu solcher Nachbildung hat Schoukowsky's Genius mit höchstem Erfolg benützt, seine Meisterschaft der Verskunst die fremde Form mit glücklichster Anmuth gehandhabt“. — Въ 1841 году, обозрѣвая русскую литературу по смерти Пушкина, Фарнгагенъ характеризуетъ Жуковскаго не только какъ симпатичнаго, нѣжнаго (zart-fuhlende) поэта, владѣющаго всеми мелодіями своего родного языка, но и какъ пѣвца родины и ея героевъ, одушевленнаго любовью къ царю и его дому и въ этомъ смыслѣ истиннаго и благороднаго выразителя народ-

ніе Стурдзы, котораго онъ проситъ не оставлять своего намѣренія—вызвать его, Жуковскаго, на „очную ставку“ въ Москвитянинѣ; хотя бы разборъ и осудилъ его трудъ, но самъ по себѣ онъ „будетъ имѣть дѣйствиіе рѣшительное на общій вкусъ: у насъ поэзія классическая, эта первобытная, дѣвственная поэзія—еще небывалый гость. Если подлинно мой переводъ удаченъ, то надобно, чтобы краснорѣчивый поэтический голосъ растолковалъ его достоинство русскому свѣту; будетъ значительною эпохою въ нашей поэзіи это позднее появленіе простоты древняго міра посреди конвульсій міра современнаго“. Если такой судья, какъ Стурдза, болѣе нежели кто посвященный въ тайны поэзіи, замѣтитъ какія ошибки въ переводѣ, Жуковский обѣщаетъ исправить ихъ совѣстливо; „единственною внѣшнею наградою моего труда будетъ тогда сладостная мысль, что я, во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтический дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ, подъ старость лѣтъ загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не *утраченнаго* ею, но до сихъ поръ для нея *запертаго*“ (10 марта 1849 г.)¹⁾.

„Ты счастливъ, подчинивши себя слѣпцу Гомеру, писалъ Жуковскому Гоголь (3 апрѣля 1849 г.): онъ не увлечетъ тебя съ дороги въ омутъ, хотъ и слѣпецъ. Свой же собственный умъ, того и гляди, занесетъ куда-нибудь въ оврагъ“.

Вторая часть Одиссеи²⁾ вышла въ 1849 году и Жуковский разослалъ экземпляры пріятелямъ. „Прошу принять съ любовью младшую дочку старика Жуковскаго, пишетъ онъ Сѣверину: она лучше всѣхъ поэтическихъ дочекъ его и повеселила крѣпко душу его на старости. Теперь прости поэзія, милости просимъ святая проза“. Онъ ждетъ отзыва Плетнева, обѣщаетъ сообщить ему отзывъ Фарнгагена, которому экземпляръ Одис-

ныхъ чувствованій. О Жуковскомъ Фарнгагенъ обѣщалъ поговорить обстоятельнѣе при другомъ случаѣ (Neueste russische Litteratur 1841), но такая статья мнѣ неизвѣстна.

1) Русская Старина 1902 г. май, стр. 393 слѣд. Отвѣтное письмо Стурдзы 28 марта 1849 г. съ переводомъ (по просьбѣ Жуковскаго) стиховъ 91—104 XVI-й пѣсни Одиссея см. въ Русской Старинѣ 1903 г. май, стр. 406 слѣд.

2) Жуковский надѣялся кончить ее къ 1 апрѣля ст. ст. 1849 г., къ Булгакову 7/19 марта. Сл. письмо къ нему-же 17/29 мая: Одиссея окончена и отпечатана; къ Наслѣднику того-же числа.

сеи долженъ былъ доставить Сѣверинъ¹⁾; это „теперь одинъ изъ первыхъ критиковъ Германіи. Онъ знаетъ прекрасно греческій и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льстилъ, то могу считать свою работу удачною“. А русскіе друзья, которымъ посланы были экземпляры второго тома, — не откликнулись!²⁾.

Наконецъ въ августѣ 1849 года дошелъ до него „краснорѣчивый“ голосъ критики, который онъ видимо ждалъ съ нетерпѣніемъ: въ Варшавѣ, куда онъ пріѣзжалъ нѣсколько дней, чтобы получить разрѣшеніе императора Николая Павловича на дальнѣйшее пребываніе за границей, онъ могъ познакомиться съ статьей Шевырева въ Москвитянинѣ³⁾ и писалъ Зейдлицу: лишь „немногіе, мнѣнія которыхъ ему драгоцѣнно, встрѣтили съ симпатіей и благоволеніемъ его „милую дочь“; изъ соотечественниковъ одинъ отозвался о ней письменно (Стурдза? Плетневъ?), другой печатно (Шевыревъ), тѣмъ цѣннѣе для него мнѣніе Зейдлица, котораго поэтическому чутью и знанію дѣла онъ вѣритъ — и снова онъ выражаетъ надежду, что его Гомеръ будетъ ему вѣчнымъ памятникомъ; „если по-длинно въ немъ отзываются чисто и гармонически тѣ звуки, которые три тысячи лѣтъ утѣшаютъ сердца избранныхъ, то на долго и на Руси останется отзывъ моей поэтической жизни“⁴⁾.

Признаніе, съ которымъ вел. князь Константинъ Николаевичъ встрѣтилъ его переводъ, подняло его: такую оцѣнку онъ „желалъ бы слышать отъ всякаго, имѣющаго поэтическое чувство и зоркій вкусъ читателя“⁵⁾. Въ непосредственно слѣдующемъ письмѣ онъ благодаритъ за участіе къ его дочкѣ, къ его фавориткѣ, которая такъ мило и живо повеселила его на старости и изъ всѣхъ его поэтическихъ дѣтей одна его пережи-

1) Сл. письмо 11—13/23—25 іюня 1849 г. Русскій Архивъ 1900 г сентябрь, стр. 49—50.

2) Письмо 29 сентября / 11 октября 1849.

3) Сл. письмо къ Шевыреву изъ Варшавы 1 сентября 1849 г. и письмо къ Гоголю, вложенное въ письмо къ Булгакову 31 октября / 12 ноября 1849 г., Русская Старина 1901 г., іюль, стр. 98 слѣд.; Сборн. любителей русск. слов. за 1891 г., стр. 19—20. Въ Варшаву писалъ ему и Плетневъ съ отзывомъ о 2-мъ томѣ Одиссеи, вызваннымъ Жуковскимъ. Сл. письмо Плетнева кн. Вяземскому 8 / 20 сентября 1849 г.

4) Зейдлицъ I. с. стр. 225 (письмо безъ даты).

5) Письмо 19 / 31 октября 1849 г.

веть. „Поэзія въ наше время утратила много своего кредита, утратила и отъ того, что наше желѣзно-дорожное и журнальнo-сумасбродное время не имѣеть ничего въ себѣ поэтическаго, и отъ того, что поэты затащили ее въ грязь партій, въ болото безвѣрія и въ лужу безнравственной чувственности. Влѣдствіе этого я не могу надѣяться, чтобы Одиссея произвела на большинство современныхъ читателей какое-нибудь сильное дѣйствіе, да я и не имѣлъ цѣлю производить какое-нибудь дѣйствіе. Мнѣ просто хотѣлось заглянуть въ перво-міръ поэзіи, въ этомъ потерянный Эдемъ, въ которомъ во время оно дышалось такъ легко и цѣлбно. Гомеръ отворилъ мнѣ заповѣдную дверь въ него, и я пожилъ счастливо съ его свѣтлыми созданіями, которыхъ вѣяніе было такъ благовонно, которыхъ поэтической попотъ былъ такъ гармонически-очарователенъ среди визговъ и мефитическаго зловонія бунтующей толпы, парламентскихъ болтуновъ и ложно вдохновенныхъ поэтовъ настоящаго времени“. Со всѣмъ тѣмъ онъ вовсе не отказывается и отъ поэтически-благодворнаго дѣйствія поэмы: его чутье шепчетъ ему, что онъ дѣйствительно угадалъ гармонію ея оригинала; то-же говорятъ ему люди знающіе, способные сличить подлинникъ съ слѣпкомъ. Его Одиссея не пропадетъ для потомства, но къ его поэтической извѣстности его трудъ не прибавитъ ничего: „не болѣе шести человѣкъ (считая въ числѣ ихъ ваше высочество) сказало мнѣ свое мнѣніе о моей работѣ (нѣтъ! мой счетъ невѣренъ, еще къ шести надо прибавить трехъ). . . . , только въ Варшавѣ попалась мнѣ въ руки дѣльная критика Шевырева; однимъ словомъ, я не заботился о славѣ и похвалѣ, но мнѣ радостно думать, что послѣ меня останется памятникъ твердый здѣшной моей жизни“.

Въ письмѣ къ П. В. Нащокину 6-го декабря 1849 г. то-же опасеніе — и то-же самосознаніе: „мои литературные подвиги вамъ должны быть извѣстны, хотя бы отчасти; не думаю, чтобы они возбудили какое-нибудь впечатлѣніе на Руси; я напечаталъ до ста экземпляровъ (для раздачи моимъ соотечественнымъ друзьямъ и знакомымъ) Одиссеи и Рустема, которые мнѣ самому кажутся лучшимъ изъ всего, что мнѣ случалось намарать на бумагѣ перомъ моимъ — почти ни одинъ не сказалъ мнѣ даже, что получилъ свой экземпляръ. Если такъ пріятели и литераторы, то что-же простые читатели? Впрочемъ, я и не для участія отъ кого бы то ни было (сколь оно ни пріятно) работаю надъ Одис-

сеей: я пожилъ со святою поэзіею мыслью и словомъ — этого весьма довольно¹⁾.

Между тѣмъ Гоголь, у котораго извѣстіе объ окончаніи и отпечатаніи Одиссеи отняло языкъ²⁾, отвѣчая Жуковскому 14-го декабря 1849 г., откровенно заговорилъ о приѣмѣ, который русская публика удостоила Одиссею: ея появленіе „было не для настоящаго времени. Ее привѣтствовали уже *отходящіе люди*“; Шевыревъ пишетъ рецензію, „скажетъ въ ней много хорошаго, но никакія рецензіи не въ силахъ засадить нынѣшнее поколѣніе за чтеніе свѣтлое и успокаивающее душу“. И Гоголь снова пристегиваетъ себя къ Гомеру—Жуковскому: „временами мнѣ кажется, что второй томъ Мертвыхъ Душъ могъ бы послужить для русскихъ читателей нѣкоторой ступеню къ чтенію Гомера“ (!)³⁾.

Ни одинъ изъ друзей не порадовалъ его изъявленіемъ своего участія, повторяетъ Жуковский 3/15 февраля 1850 г.: ни Смирнова, ни Вьельгорскій, ни Карамзины; это ему „больно и досадно“⁴⁾.

Остается — памятникъ въ потомствѣ, но отлетѣла надежда, что откровенія классическаго Эдема прольютъ бальзамъ на лежащую въ конвульсіяхъ современность. Такъ надѣялся и Гоголь, но и онъ сталъ говорить, что появленіе Одиссеи не по времени, что ее оцѣнятъ только „отходящіе люди“, т. е. люди, изолировавшіеся отъ движенія времени; а Жуковский давно разобщился и съ русской общественной средой. Въ стихахъ Жуковскаго Шевыреву слышалась неизсякшая любовь къ Россіи, „гораздо болѣе, чѣмъ въ возгласахъ театральнаго патріотизма, который хотя и на родинѣ, но отдалился отъ нея и духомъ, и словомъ своимъ, и до того отказался отъ всего Русскаго, что не въ силахъ понимать прекраснаго языка русской Одиссеи. Можно жить въ Германіи и носить въ себѣ родину въ убѣжденіяхъ своего ума и сердца и въ языкѣ, какъ носить ее Жуковский. Можно жить на родинѣ—и все таки быть иностранцемъ и по образу мыслей, и по языку своему“⁵⁾. Но эта ро-

1) П. Загаринъ. В. А. Жуковский и его произведенія. Москва, 1888 г. Приложение V, стр. XXVII.

2) Къ Жуковскому конца 1849 г.

3) Сл. письмо Гоголя къ Жуковскому 28 февраля 1850 г.

4) Къ Плетневу 3/15 февраля 1850 г.

5) Сл. Москвитянинъ 1849 г. № 3, Критика и библиографія стр. 116—117.

дина стала для Жуковскаго чѣмъ-то отвлеченнымъ, виѣ движенія времени, и какъ прежде онъ сознательно издавалъ свои стихотворенія въ книжкахъ „Для Немногихъ“, такъ теперь немногіе его слушали, когда онъ рассчитывалъ на вниманіе толпы. Въ концѣ 40-хъ годовъ переводъ Одиссеи былъ въ самомъ дѣлѣ подвигомъ поэтическаго изолированія.

Въ 1850-мъ году Жуковскій вспоминалъ, какъ, оторвавшись на время отъ политической дѣятельности, его другъ Радовицъ объяснялъ въ кругу родныхъ, въ вецларскомъ уголкѣ, съ его очарованнымъ наукой покоемъ, народную нѣмецкую Илиаду, пѣсни Нибелунговъ. „Если вспомнить, кто и послѣ какихъ событій съ такою сладостью переходитъ изъ міра тревогъ, гдѣ на самомъ себѣ испыталъ разрушительность благъ житейскихъ, въ безмятежный міръ поэзіи и тамъ все забываетъ, раздѣляя прелесть этой поэзіи съ сердцами, понимающими его сердце, то невольно почувствуешь благоговѣніе передъ младенческою свѣтлостью этой души, которая, глубоко вѣдая, какая буря окружаетъ ее, такъ же оставалась тиха при своемъ знаніи, какъ младенецъ, безстрашный отъ своего непорочнаго незнанія“¹⁾.—Жуковскій охарактеризовалъ самъ себя.

Русская критика Одиссеи этихъ вопросовъ не поднимала, но не была и такъ равнодушна, какъ жаловался Гоголь²⁾. Явился панегерикъ Шевырева³⁾, радовавшася за торжество русскаго языка, который въ Одиссеѣ похожъ „на самый чистый каррарскій мраморъ безъ жилокъ“; но открыты были и жилки въ неровностяхъ языка, въ тяжеловѣсности эпитетовъ, въ неологизмахъ, въ періодизаціи; поднятъ былъ вопросъ и о вѣрности поэтическому тону подлинника. Уловиль-ли его поэтъ, передалъ-ли его настроеніе? Находили, что Жуковскій глубоко проникся поэтической стороною своего оригинала, но не всегда вѣренъ нравамъ и понятіямъ героической эпохи, и его прибавленія и отступленія, отвѣчая метрическимъ и эсте-

1) Иосифъ Радовицъ 1850 г.

2) Сл. Черняевъ, Какъ цѣнили переводъ „Одиссеи“ Жуковскаго современные и послѣдующіе критики, Филолог. Записки 1902 г., вып. II—III, стр. 133 слѣд.; Тимошенко, В. А. Жуковскій, какъ переводчикъ Одиссеи, и современная ему критика. Кіевъ 1902 г. (Оттискъ изъ газеты „Кіевское Слово“).

3) Москвитянинъ 1849 г. № 1, критика и библиографія стр. 41—8; № 2, стр. 49—56, № 3, стр. 91—117.

тическимъ требованіямъ, передаютъ не гомеровскій колоритъ, а личное настроеніе переводчика¹⁾. И въ то-же время критикъ *Allgemeine Zeitung* удивлялся, какимъ образомъ, не зная греческаго языка, Жуковскій, „при возможно-буквальной вѣрности, почти волшебнымъ образомъ не подражаетъ, а скорѣе воссоздаетъ тонъ, оттѣнки и духъ подлинника, въ свободномъ и естественномъ теченіи самобытнаго разсказа“²⁾. О воссозданіи Гомера говорилъ уже Гоголь; для Лавровскаго это не воссозданіе, и не художественный переводъ, претворяющій подлинникъ въ новое, личное произведеніе, и не буквальный, а нѣчто среднее, порой близко придерживающееся текста, порой отдаляющееся отъ него, вносящее новыя краски, чувствительность и искусственность вмѣсто гомеровской простоты и естественности³⁾. Этотъ элементъ субъективности подчеркнул и Ордынскій: переводъ превосходный самъ по себѣ, безъ отношенія его къ подлиннику, но это скорѣе Одиссея Жуковскаго, чѣмъ Одиссея, переведенная Жуковскимъ⁴⁾.

Характеръ его личной поэзіи намъ знакомъ: стоило ему безсознательно тронуть иное кистью, замѣнить одинъ эпитетъ другимъ, и онъ незамѣтно внесетъ въ Гомера свою сентиментальность и нравоучительность; а мы знаемъ, какъ сложилось у него представленіе о гомеровою меланхоли. Такъ получилось въ его Одиссеѣ нѣкоторое единство тона; это воссозданіе, но Анадіомена вышла нѣсколько сентиментальной.

Любопытно, что по мнѣнію Лавровскаго Одиссею слѣдовало бы перевести народно-пѣсеннымъ языкомъ; въ разной мѣрѣ склонялись къ тому Ордынскій и Сенковскій, и это не мѣшало послѣднему вмѣнить въ заслугу Жуковскому, что изъ „хаоса разноязычныхъ началъ и разноголосныхъ данныхъ“ онъ вывелъ „одну стройную, русскую, новѣйшую красоту, которая бы примѣтно уподоблялась первобытной, древней, греческой красотѣ“⁵⁾. Требованіе простонароднаго языка для Гомера, по-

1) Дестунисъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 г., № 8, отд. II, стр. 59—98.

2) Статья эта переведена въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 г., № 4, отд. VI, стр. 68—9. Не о ней-ли говорить Жуковскій въ письмѣ къ Булгакову 31 октября/12 ноября 1849 г.?

3) Отечественныя Записки 1849 г., т. 63, отд. V, стр. 1 слѣд.

4) Тамъ-же 1849 г. т. 65, отд. V, стр. 1 слѣд.; т. 71, отд. V, стр. 1 слѣд.

5) Сенковскій, Соч. т. VII, стр. 335.

жалуй, еще бóльшая несообразность, чѣмъ налеты чувствительности у Жуковского.

За Одиссеей Жуковский обѣщалъ обратиться къ „святой провѣ“. Толстый томъ, о которомъ онъ писалъ Плетневу, состоялъ изъ „философскихъ отрывковъ“, т. е. накопившихся у него статей религіозно-нравственнаго содержанія; инныя изъ нихъ онъ намѣренъ былъ послать на просмотръ Стурдзѣ, ибо „онѣ такого рода, что имъ не только нужно его одобреніе, но и его строгій экзаменъ, его выправка¹⁾. Въ мартѣ слѣдующаго года онъ хочетъ отправить рукопись къ Стурдзѣ²⁾, но все еще просматриваетъ ее, приводитъ въ порядокъ. Онъ пишетъ Стурдзѣ: „можно быть православнымъ христіаниномъ и безъ обширной теологической учености, но пускать въ ходъ свои мысли должно только по прямой дорогѣ, указанной нашею церковью, и для этого нуженъ путеводитель опытный. Все, что церковь дала намъ одинъ разъ навсегда, то мы должны принять безусловно вѣрно также одинъ разъ навсегда. Въ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться.... Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства, которой смыслъ: отъ Бога къ Богу. Философія, истекающая изъ одного ума, есть ложь. Пунктъ отбытія всякой философіи (point de départ) должно быть откровеніе.... У меня въ виду со временемъ написать нѣчто подъ титуломъ: Философія невѣжды. И этотъ титулъ будетъ чистая правда: я совершенная невѣжда въ философіи. Нѣмецкая философія была мнѣ доселѣ неизвѣстна и недоступна; на старости лѣтъ нельзя пускаться въ этотъ лабиринтъ: меня бы въ немъ цѣликомъ проглотилъ минотавръ нѣмецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и проч. и проч. Хочу попробовать, что могу написать на бѣлой бумагѣ моего ума, опираясь на однѣ откровенныя, неотрицаемыя истины христіанства“³⁾.

1) Къ Сѣверину 11—13 іюня 1849 г. Сл. Русскій Архивъ 1900 г. № 9, стр. 50.

2) Къ Сѣверину 11 марта 1850 г., Русская Старина 1902 г., іюнь, стр. 516.

3) 1850 г., мартъ, Русская Старина 1902 г. іюнь, стр. 581—582. Сл. относящіяся къ 1850-му году показанія о. Базарова въ его письмѣ о кончинѣ Жуковского (17 апрѣля 1852 г.), Русскій Архивъ 1869 г., ст. 109—110, и приведенную выше (стр. 409, прим. 2) статью Стурдзѣ; Для памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя I. с. стр. 221—2.

Мы знаемъ, что этотъ сборникъ не былъ напечатанъ по цензурнымъ соображеніямъ ¹⁾.

3.

За годъ до смерти Жуковскій еще разъ бесѣдовалъ съ Зейдлицомъ о своемъ „памятникѣ“ ²⁾; между тѣмъ его прувлекла Иліада. Это искушеніе явилось у него въ концѣ 1848 г. ³⁾; о томъ, что онъ принялся за переводъ, говоритъ уже разборъ въ Allgemeine Zeitung. „Плановъ для пера скопилось“ у него много, а приближающіеся шаги смерти часъ отъ часу слышнѣе (къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта 1850 г.). Приводя въ письмѣ къ кн. Вяземскому отзывъ Фарнгагена объ Одиссеѣ (wir, Deutschen, haben nichts so sehr gelungenes), Жуковскій выражаетъ желаніе дать отечеству „чистаго Гомера“, это было бы для него великимъ утѣшеніемъ ⁴⁾; онъ оповѣщаетъ о томъ и Гоголя, но „объ этомъ однако прошу тебя не говорить“ ⁵⁾. Уже полуслѣпой, съ помощью лектора, онъ хочетъ воспользоваться своимъ „заточеніемъ и слѣпотою, чтобы вполне быть русскимъ Гомеромъ“ ⁶⁾. 13 сентября 1851 года переведены были съ нѣмецкаго двѣ пѣсни Иліады — и вновь загомозилась поэзія: Жуковскій принялся за поэму, тема которой давно занимала его ⁷⁾; первые стихи написаны десять лѣтъ

1) См. выше стр. 379 слѣд. О цензурныхъ затрудненіяхъ, какія встрѣчали сочиненія Жуковскаго, сл. еще замѣтку И. А. Бычкова: „Попытка напечатать „Черты исторіи государства Россійскаго“ В. А. Жуковскаго въ 1837 году“, Русская Старина 1903 г., декабрь, стр. 595 слѣд.

2) Зейдлицъ I. с. 225—6.

3) Къ Плетневу 20 декабря 1848 г.: „мысль была та, чтобы перевести все по теперешней методѣ съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода, а потомъ взять бы изъ перевода Гнѣдичева: всѣ стихи имъ лучше меня переведенные (въ чемъ, разумѣется, признаться публикѣ)“. Подробнѣе въ указаномъ письмѣ о. Базарова.

4) 18 апрѣля 1850 г.

5) 1/13 февраля 1851 г. Сл. Сборникъ общ. люб. русск. словесности за 1891 г. стр. 23.

6) Къ Сѣверину 9 сентября 1851 г. Сл. Русская Старина 1902 г., № 6, стр. 519.

7) Сл. отрывокъ 1831 г. въ Бумагахъ Жуковскаго стр. 94.

тому назадъ ¹⁾. Онъ довелъ ее почти до половины ²⁾; „Странствующій Жидъ“ такъ и остался отрывкомъ.

Для этой лучшей „лебединой пѣсни“ онъ собиралъ толкованія къ Апокалипсису, который переложилъ въ стихи ³⁾, для нея же просилъ у Гоголя, которому сообщилъ планъ и прочелъ начало (не болѣе какъ изъ двадцати стиховъ), мѣстныхъ красокъ и топографическихъ впечатлѣній Палестины: „мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ, какъ искры, отъ удара моей фантазій твою“ ⁴⁾. Для той же цѣли покупалъ онъ описанія Палестины съ рисунками ⁵⁾. Къ чему эти свѣдѣнія? писалъ ему Гоголь: „всякое событіе евангельское и безъ того уже обстанавливается въ умѣ христіанина такими окрестностями, которыя гораздо ближе даютъ чувствовать минувшее время, чѣмъ всѣ нынѣ видимыя мѣстности, обнаженныя, мертвыя.... Другъ, сообразилъ ли ты, чего просишь, прося отъ меня картинъ и впечатлѣній для той повѣсти, которая должна быть *вмѣстѣ и внутренней исторіей твоей собственной души?* Соверши же помолясь жаркой молитвой, это внутреннее путешествіе, и всѣ святаыя окрестности возстанутъ предъ тобою въ томъ свѣтѣ и колоритѣ, въ которомъ онѣ должны возстать“ ⁶⁾. Именно съ Гоголемъ хотѣлъ бы поговорить Жуковский о Странствующемъ Жидѣ, „котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по сердцу — и, занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ“ (къ Плетневу 5 марта 1852 г.).

„Я написалъ поэму, она еще не кончена, говорилъ Жуковский о. Базарову за нѣсколько дней до смерти; я писалъ ее слѣпой нынѣшнюю зиму. Это Странствующій Жидъ въ христіан-

1) Къ Плетневу 20 декабря 1848 г. Въ 1844 году А. О. Смирнова записала: „Онъ (Жуковский) хочетъ написать поэму о Вѣчномъ Жидѣ и даже потихоньку читалъ мнѣ нѣкоторые стихи“. Сѣверный Вѣстникъ 1897 г. январь, стр. 134.

2) Къ Плетневу въ февралѣ 1851 г.: до 800 стиховъ.

3) Сокращенный пересказъ видѣнія назначенъ былъ первоначально занять въ ней мѣсто послѣ 915-го стиха.

4) 20 января / 1 февраля 1850 г. въ Сборникѣ Общ. люб. русск. словесности за 1891 г. стр. 21, 22.

5) Сл. Русскій Архивъ 1869 г. стр. 90.

6) 28 февраля 1850 г.

скомъ смыслѣ. Въ ней заключены послѣднія мысли моей жизни. Это моя лебединая пѣснь.... Я начиналъ было переводить ее самъ, диктуя самъ по нѣмецки¹⁾. Но Кернеръ беретса перевести ее по нѣмецки въ стихахъ. Пусть его передѣлываетъ по своему, пусть прибавляетъ, но мысль мою онъ пойметъ“²⁾).

Юстинусъ Кернеръ, поэтъ и врачъ романтическаго типа, извѣстный своей книгой о ясновидящей въ Префорстѣ (Die Seherin von Prevorst), прожилъ всю свою жизнь ребенкомъ въ атмосферѣ сказочнаго чудеснаго. Міръ психопатическихъ явленій, которыя, какъ врачъ, онъ совѣстливо изучалъ, раскрылъ передъ нимъ область мистически-безсознательнаго, и оно имъ овладѣло. Онъ сталъ духовидцемъ; ночью, когда онъ шелъ къ больному въ сопровожденіи своей собачки, кругомъ него витали души людей, которыхъ ему не удалось спасти отъ смерти. При этомъ человѣкъ сердца и добродушнаго юмора, безконечно жалостливый къ больнымъ, искавшій дружбы и „души“.

Съ Жуковскимъ онъ познакомился въ Баденъ-Баденѣ лѣтомъ 1857 года, и они сошлись: было съ кѣмъ потолковать о „привидѣніяхъ“ („Нѣчто о привидѣніяхъ“ 1848 г.), о душѣ. Въ Баденѣ, писалъ Кернеръ, онъ нашелъ облегченіе своихъ страданій не столько въ тепломъ источникѣ, сколько въ одномъ сердцѣ съ холоднаго сѣвера, полномъ тепла и силы и дѣтской чистоты, въ которое онъ погрузился, какъ въ цѣлебныя струи. „То было сердце русскаго поэта Жуковскаго. Знакомство съ этимъ благороднымъ, богато одареннымъ человѣкомъ было для меня, послѣ холодной и во многихъ отношеніяхъ печальной для меня зимы, точно дыханіе весны на мое больное, оледенѣлое сердце“³⁾.—„Странствующаго Жида“ Кернеру не пришлось

1) О Жуковскомъ, какъ нѣмецкомъ стилистѣ, можетъ дать понятіе его передача бѣлыми стихами его собственнаго стихотворенія: Видѣніе (Нач. Eine Seraphsgestalt erschien mir—Strahlend von morgendlicher Klarheit) и переводъ его-же статьи о Радовицѣ, напечатанный, какъ рукопись, въ Karlsruhe, 1850: „Joseph Radowitz, wie ihn seine Freunde kennen. Brief eines Nichtdeutschen in die Heimath“. Сл. Нааре W. A. Schukowsky und seine Beziehungen zu Deutschland und Baden (München, 1900 г.), стр. 16 и 23.

2) Сл. письмо о. Базарова о кончинѣ Жуковскаго, I. с., ст. 103.

3) Нааре I. с. стр. 26—7. Тамъ-же воспоминаніе von Schack'a при посѣщеніи Бадена въ 1875 году: In der Stadt mahnte mich der Balkon eines Hauses an einen Mann, den ich wegen seiner Herzensgute wie wegen sei-

перевести, но еще при жизни автора явился переводъ одной его сказки: *Vom Iwan Zarewitz und dem grauen Wolfe* (1852 г.); съ такимъ посвященіемъ Кернера:

Empfängt dies nordische Gedicht
 Von Licht und Farbe so durchdrungen,
 Dass man vermeint, aus Nordenlicht
 Sei dieses helle Kind entsprungen.
 Schaut her! Ein nordisch Herz hat euch
 Die nord'schen Sagen so gestaltet,
 Ein Herz, das, ist's auch jahrereich,
 Ein Kinderherz bleibt, das nicht altert ¹⁾.

„Странствующій Жидъ“, за судьбу котораго беспокоился кн. Вяземскій ²⁾, занимаетъ, по его мнѣнію, первенствующее мѣсто не только между твореніями Жуковскаго, но едва-ли и не во всемъ циклѣ русской поэзіи ³⁾. Это дѣйствительно исторія младенческаго, не состарѣвшагося сердца, если у такого сердца есть исторія. Оно смолода, почти безъ колебанія, шло навстрѣчу тому идеалу, въ которомъ восторженное исканіе Бога объединилось съ меланхоліей Гомера и елейностью Стурдзы. Это не тревожно-трусливое настроеніе Гоголя въ поискахъ за синтезомъ, который примирилъ бы его противорѣчія; искали его и другіе русскіе люди изъ чающихъ, но имъ недоставало надеждъ и увѣренности и знанія. Признаніе, что всякая дѣйствительность разумна, было такимъ же знакомъ безсилія въ общественномъ смыслѣ, какъ и сентиментализмъ съ его призраккомъ уединно-пѣстистически воздѣланной человѣчности. Тогда бросились искать Бога, — и въ одномъ лагерѣ очутились и узкій Стурдза, и Смирнова, и Гоголь, спасавшійся отъ неясныхъ, но болевыхъ задачъ то въ самомнѣніе призванничества, то въ лоно

ner Geistesgaben ungemein verehrte. Es war der russische Dichter Schukowsky.

1) I. с. стр. 20—1.

2) Сл. его письмо къ Плетневу 19 ноября / 1 декабря 1852 г.: „можетъ-ли быть напечатанъ Странствующій Жидъ, то есть, чернорясая цензура пропустить-ли его?“

3) Русскій Архивъ 1866 г. № 6, ст. 874 (Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго архива).

отца Матвѣя, — и благоговѣйный Жуковскій въ пору Одиссея и Странствующаго Жида.

Ярче, чѣмъ въ „святой прозѣ“ его религіозно-нравственныхъ трактатовъ, выступаетъ въ поэмѣ Жуковскій послѣднихъ лѣтъ съ его успокоеніемъ въ вѣрѣ, то есть, въ свободномъ актѣ воли, подчиняющій разумъ благодати¹⁾. Наполеонъ на островѣ св. Елены — это человѣкъ державной, но не подчиненной воли, „чудесный человѣкъ“, какъ выразился Жуковскій въ отрывкѣ письма изъ Италіи 1833 г.²⁾; когда-то „вождь побѣдъ и страхъ царей, теперь царей колодникъ“, онъ страдаетъ въ ожесточеннѣи „безнадежной скорби“, въ негодованьи „силы“, вдругъ лишенной свободы. Орелъ быстро промчался мимо него съ моря на высоту, и онъ

Вскочилъ, какъ будто броситься за нимъ
Желая въ безпредѣльность: воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.

Передъ нимъ Агасверъ; рассказывая узнику повѣсть своей души, онъ желаетъ быть врачомъ его души.

Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
Очами, а смиренной волей разумъ
Святынѣ откровенья покоряя.
Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
Не отворяла дверь моей души
Бунтующая воля.

Онъ былъ наказанъ неслыханно, но казнь пересоздала его душу, воспитала „въ училищѣ страданій несказанныхъ“, „онъ Бога угадалъ страданьемъ“. Не вдругъ достался ему этотъ миръ, лишь

по долгой, несказанной
Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
Несчетныхъ переходовъ отъ паденій,
Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ,

1) Сл. выше стр. 401.

2) Русская Старина 1902 г. апрѣль, стр. 181

Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ вѣрнѣй
Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ
Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
Который, всю объемля душу, въ ней
Покорнаго терпѣнья тишину
Неизглаголанную водворяетъ.

.....

На потребу мнѣ одно:
Покорность и предъ Господомъ всей воли
Уничтоженіе. О, сколько силы,
Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
„Твое, а не мое да будетъ!“ Въ немъ
Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
Свобода, наша мудрость, наши всѣ
Надежды....

случай исчезаетъ
Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
Властители, понеже власть Тому
Надъ нею предали смиренно, кто
Одинъ всесиленъ, все за насъ, для насъ
И нами строить, намъ во благо.

И теперь „безнаградная“ любовь Агасвера къ людямъ не
иное что, какъ любовь къ Источнику любви, къ Тому, кто пер-
вый излюбилъ его, любовь милосердая, смиренная, терпѣливая;
миръ человѣческій исчезъ для него передъ природой, „Господ-
ней книгой, — Гдѣ буква каждая благовѣститъ Его Евангеліе“.

Небо голубое, утро
Безмолвное въ пустынѣ; свѣтъ вечерній,
Въ послѣднемъ облакѣ летящій съ неба,
Соборъ свѣтилъ во глубинѣ небесъ,
Глубокое молчанье лѣса, моря
Необозримость тихая, иль голосъ
Невыразимый въ бурю —

для этихъ чудесъ нѣтъ „словъ“, они невыразимы; совершаніе
становится „смирненнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ“ передъ
величіемъ Божія созданія, блаженной молитвой;

съ нею

Сливается нерѣдко вдохновенье
 Поэзіи; поэзія — земная
 Сестра небесныхъ молитвы, голосъ
 Создателя, изъ глубины созданья
 Къ намъ исходящій чистымъ отголоскомъ
 Въ гармоніи восторженнаго слова!
 Величіемъ природы вдохновенный,
 Непроизвольно я пою — и мнѣ
 Въ моемъ уединеньи, полномъ Бога,
 Созданіе внимаетъ, посреди
 Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
 Утесовъ и пустынь необозримыхъ
 И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,
 Съ которыхъ видны золотыя нивы,
 Веселыя селенья человѣковъ
 И все движенье жизни скоротечной.

Послѣднее опредѣленіе поэзіи, „невыразимаго“, которое обняло и „веселыя селенья человѣковъ“ — идиллію Одиссеи. И въ то-же время Жуковскій писалъ Плетневу, уговаривавшему его вести свои мемуары: журнала онъ не велъ, теперь поздно, изъ прошедшаго многое исчезло, какъ небывалое, да и „выставлять себя такимъ, каковъ я былъ и есть, не имѣю духу. А лгать о себѣ не хочется. Въ поэтической жизни, сколь бы она ни имѣла блестящаго, именно поэтому много лжи (которая все ложь, хотя по большей части произвольная), и эта ложь теряетъ весь свой мишурный блескъ, когда поднесешь къ ней (рано или поздно) лампаду христіанства“¹⁾.

Въ пору Одиссеи видѣлъ Жуковскаго Александръ Тургеневъ. Послѣ несчастія, постигшаго его брата, онъ уѣхалъ за границу и въ Россію показывался лишь урывками, но друзья переписывались, прошедшее ихъ связало, ибо для сердца оно вѣчно. Въ 1826—7 гг. мы видѣли ихъ въ Дрезденѣ и Парижѣ²⁾; въ іюнѣ 1832 г. они вмѣстѣ выѣхали изъ Россіи за границу,

1) 6 марта 1850 г. „Впрочемъ, если напишется, въ послѣднемъ, еще не существующемъ томѣ сочиненій моихъ будетъ нѣчто въ родѣ мемуаровъ, но только въ литературномъ смыслѣ“ (то-же письмо).

2) Сл. выше стр. 336 слѣд.

чтобы развѣхаться; затѣянное ими путешествіе въ Италію не состоялось ¹⁾. Письмо Жуковскаго изъ Бѣлева тронуло Тургенева за живое: „прошедшее такъ живо представилось сердцу и воображенію, и такъ какъ я помню болѣе сердцемъ, то во всѣхъ эпохахъ, кромѣ теперешней, нынѣ текущей, нахожу, вмѣстѣ съ братьями, и Жуковскаго.... Развѣ память одного Жуковскаго будетъ для насъ такъ же священна, такъ же мила и благодѣтельна для сердца, какъ и жизнь его, какъ и память Карамзина“ ²⁾.

Лѣтомъ 1839 г. друзья снова видѣлись во Франкфуртѣ и Киссингенѣ. „Съ Жуковскимъ провелъ я нѣсколько пріятныхъ, задумевныхъ минутъ, писалъ Тургеневъ князю Вяземскому, но только минутъ; онѣ повѣяли на меня прежнимъ сердечнымъ счастіемъ, прежнею сердечною дружбою“. Онъ почти прослѣвился, когда Жуковскій представилъ ему свой новый переводъ Греевой элегіи, который обѣщалъ посвятить ему, какъ первый посвященъ былъ брату Андрею. „Мы пережили многое и многихъ, но не дружбу: она неприкосновенна, по крайней мѣрѣ, въ моей душѣ и выше мнѣній и отношеній враждебныхъ свѣта, недоступна никакому постороннему вліянію. Соприкосновеніе Жуковскаго съ чуждыми мнѣ и часто враждебными элементами не повредило вѣрному и постоянному чувству.... Въ отсутствіи я сердился на него за многое; встрѣча примиряетъ съ нимъ, ибо многое объясняетъ. Я люблю его и за великаго князя, въ коемъ вижу что-то доброе, сердечное, человѣческое, и меня что-то влечетъ къ нему. Я долженъ удерживать это влеченіе и буду стараться рѣже съ нимъ встрѣчаться, ибо это несовмѣстно съ моимъ положеніемъ, съ достоинствомъ оскорбленнаго во всѣхъ отношеніяхъ: гражданскихъ и семейственныхъ“ ³⁾.

Враждебные элементы—это люди, прикосновенные къ осужденію его брата Николая; въ первую голову Блудовъ; въ глазахъ Тургенева это осужденіе было великой неправдой, а онъ былъ искатель правды. Въ этомъ отношеніи онъ непримиримъ; „покою, мой Капнистъ, покою“, писалъ ему по этому поводу

1) Дневникъ 18 іюня 1832 г. и выше стр. 416.

2) Къ князю Вяземскому 23 декабря 1837 г. / 4 января 1838 г.

3) 5/17 іюня 1839 г., Киссингенъ (согласно съ этимъ слѣдуетъ исправить невѣрное датированіе этого письма выше, стр. 364, прим. 2). См. еще письмо къ князю Вяземскому 8 іюня 1839 г.

князь Вяземскій ¹⁾; собираясь за границу, Тургеневъ говорилъ ему, что хочетъ повидать Жуковскаго, „но уже къ нему не явлюсь лично; развѣ по дорогѣ. А то и такъ подумали, что я ухаживаю не за нимъ, а за великимъ княземъ“ ²⁾.

Вѣсти о женитьбѣ друга привели его въ умиленіе, но онъ не поѣхалъ къ нему, чтобы не смутить его покой видомъ неуспокоеннаго человѣка. Въ письмѣ къ княгинѣ Вяземской онъ охарактеризовалъ себя ³⁾; одинъ „изъ самыхъ *усталыхъ*“ нашего круга, писалъ о немъ Жуковскій Булгакову ⁴⁾. Жуковскій воплотилъ въ дѣйствительности свой личный житейскій идеалъ, князь Вяземскій, когда-то боевой протестантъ, уже не ощущаетъ прежняго „зеленаго пыла“ ⁵⁾ и также вошелъ въ мирную гавань опытности. А Тургеневъ все еще ищетъ и мечется, онъ непосѣда, и его все куда-то тянетъ; le grand agité, какъ назвалъ его одинъ пріятель. Онъ не только сентименталистъ Карамзинскаго стиля ⁶⁾, но и „либералистъ“ Александровской эпохи, либералистъ, выбитый изъ колеи, не у дѣлъ, одинъ изъ недовольныхъ, лично оскорбленный въ „гражданскихъ и семейственныхъ“ отношеніяхъ. Это опредѣляетъ его старческій обликъ ⁷⁾: русскій „душей, сердцемъ и воспоминаніемъ“ ⁸⁾, онъ убѣжденный западникъ, ратуетъ за освобожденіе крестьянъ, говоритъ о Карамзинѣ, что „вся жизнь его была прекрасное и полезное употребленіе его качествъ душевныхъ“, но что онъ уронилъ свой талантъ въ своей Исторіи, которая „не отвѣчаетъ требованіямъ разсудка и надеждамъ сердца“ ⁹⁾; человѣкъ,

1) 1 января 1830 г.

2) 13 апрѣля 1840 г. Тургеневъ засталъ Жуковскаго въ горѣ по скончавшемся поэтѣ. Иммерманѣ (+ 25 августа 1840 г.), съ которымъ онъ познакомился въ Дюссельдорфѣ. Сл. Русскій Архивъ 1896 г., II, стр. 197. Объ Иммерманѣ упоминаніе въ дневникѣ Жуковскаго подъ 1/13 августа 1838 года.

3) Сл. выше стр. 421 слѣд.

4) 20 декабря 1845 г. / 1 января 1846 г.

5) Къ Тургеневу 3 апрѣля 1843 г.

6) Интересно сравнить размышленія его юношескаго дневника, на темы греевской элегіи и родныхъ воспоминаній (выше стр. 88), съ его письмомъ 6/18 января 1841 года (Русскій Архивъ 1896 г., II, стр. 194—5). И тамъ и здѣсь одинъ и тотъ-же душевный почеркъ.

7) Сл. выше стр. 297—8.

8) Къ князю Вяземскому 8 октября 1845 г.

9) Къ нему-же 14 ноября 1845 г.

искренне вѣрующій, блюститель обряда, чуткій къ исторической поэзіи православной святыни, онъ ведетъ бесѣды съ митрополитомъ Филаретомъ, увлеченъ Шеллингомъ и рекомендуетъ князю Вяземскому — Vinet, Sur l'indépendance des opinions religieuses ¹⁾. Князь Вяземскій отписывается, спорить по всѣмъ статьямъ, уличая пріятеля въ идолопоклонствѣ словамъ, системѣ, теоріи ²⁾, а тотъ упрекаетъ его, что онъ упалъ „съ терпимости на равнодушіе“ ³⁾, говоритъ, что люди, которые, чувствуя трудъ борьбы со зломъ, заключили съ нимъ миръ, „непримѣтно для нихъ самихъ дѣлаются врагами добра“ ⁴⁾. Даже филантропическая дѣятельность Тургенева, въ которой онъ отводилъ душу, „апатію“ сердца, его заботы, въ сотрудничествѣ съ докторомъ Газе, о бѣдныхъ и арестантахъ, вызывали у князя Вяземскаго нареканіе, что у Тургенева какая-то страсть къ „политической и протестующей филантропіи“, что онъ „лѣзетъ любовь вопиственную, критикующую, мстительную, осуждающую“ и печатаетъ „оппозиціонную статью противъ уголовной палаты и всѣхъ палатъ и всѣхъ право или криво правящихъ“ ⁵⁾.

И въ духовномъ лагерѣ возбуждались тѣ-же сомнѣнія. Митрополитъ Филаретъ благодаритъ своего лаврскаго намѣстника Антонія за сообщеніе молвы, будто около него собираются „недовольные“. „Словъ неудовольствія, надѣюсь, никто не слышалъ отъ меня, потому что и мысли у меня, по благости Божіей, не таковы, отвѣчалъ Филаретъ. Но и небылое скажутъ и сказкѣ повѣрять по людямъ, вводимымъ въ сказку. Меня озабочивало и прежде, а теперь и болѣе, что ко мнѣ ходитъ А. И. Тургеневъ, котораго я сталъ принимать въ уваженіе благорасположенія къ нему князя Голицына, а онъ представилъ мнѣ человѣка два, ему знакомыхъ, людей любознательныхъ.... У нихъ есть мудрованіе, не политическое, а ученое: кто знаетъ, не полагають-ли въ нихъ, чего я не примѣчаю и не знаю“? (февраля 14, 1843 г.) ⁶⁾.

1) Къ нему-же 19 ноября 1845 г.

2) Къ Тургеневу 23 ноября 1845 г.

3) Письмо 16 октября 1836 г.; сл. письмо князя Вяземскаго 2 ноября того-же года и письмо Тургенева 7 октября 1845 г.

4) 27 марта н. ст. 1843 г.

5) Начала октября 1742 г.

6) Письма митрополита московскаго Филарета къ намѣстнику свято-

Жуковскій и князь Вяземскій уже отпѣли панихиду русской литературѣ 40-хъ годовъ, а Тургеневъ прочелъ въ Отечественныхъ Запискахъ статью Бѣлинскаго о Державинѣ и пишетъ изъ Москвы: „Ай да Бѣлинскій! Ай да цензурушка голубушка Петербургская! А здѣсь и въ салонахъ такой правды въ услышаніе славянъ не высказать. „E pur si muove“ наша литература“¹⁾).

Въ 1842 году Тургеневъ былъ заграницей, но по болѣзни не заѣхалъ къ Жуковскому. Князь Вяземскій не можетъ ему этого простить. „Нужно было ѣхать въ Берлинъ за пустяками, переливать изъ пустого въ порожнее и пускать пыль въ глаза, добро еще другимъ, а нѣтъ, себѣ. Въ наши лѣта, братъ, поздно учиться. *Что тебѣ прожизнаться на Шеллингъ, когда Богъ далъ тебѣ нажить Жуковского?*“²⁾. Напрасно ты трунишь, „что я гоняюсь за Шеллингами, отвѣчалъ Тургеневъ; я ими живу и живѣ буду. Я набрался въ Берлинѣ и въ другихъ университетахъ столько духовной жизни, что отъ избытка оной удѣляю и другимъ, когда встрѣчаю охотниковъ“. Но онъ не презираетъ и прошедшимъ и еще недавно оживилъ его пепелъ поѣздкой къ Троицѣ, гдѣ нашелъ „и людей достойныхъ, и книги прекрасныя, и радушіе христіанское и гостепріимство для бѣдныхъ“; его окружили воспомнанія о давнихъ поѣздкахъ сюда съ отцемъ и Лопухинымъ. Онъ выслушалъ въ два дня вечернюю, всенощную, обѣдную, нѣсколько молебновъ, обѣдалъ въ общей трапезѣ съ Филаретомъ и монахами, видѣлъ какъ „митрополитъ съ галереи благословлялъ сухихъ и хромыхъ, чающихъ движенія воды и горячихъ щей и пива. Картина трогательная; чего у меня не лѣзло въ голову!“³⁾.

троицкія Сергіевы лавры архимандриту Антонію, ч. II, стр. 66—8. Тамъ же ссылка на старую записную книжку, выдержки изъ которой напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1875 г., I, стр. 61—62. (=Полное Собраніе соч. князя Вяземскаго, т. VIII, стр. 273 слѣд.): о тайномъ полицейскомъ надзорѣ, учрежденнымъ надъ Тургеневымъ въ Москвѣ (въ 1831 году); въ его „кондуктныхъ спискахъ“ всего чаще встрѣчались имена . . . ой и митрополита Филарета, съ которымъ „онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и по сочувствію и по уваженію къ нему, а равно и по прежнему служенію своему при князѣ А. И. Голицынѣ“.

1) Князю Вяземскому 11 октября 1845 г.

2) Къ нему-же 21 сентября 1842 г.

3) Къ нему-же 29 сентября 1842 г.

Лишь въ 1844 году собрался онъ къ Жуковскому, чтобы пожить съ нимъ подольше во Франкфуртѣ и сдружиться съ Гоголемъ, „когого переписка лучше книгъ его, ибо душа въ ней слышнѣе“¹⁾. Жуковского онъ увидѣлъ въ Гейдельбергѣ²⁾ и наконецъ очутился въ его семейномъ уголкѣ. „Я здѣсь блаженствую сердечно въ миломъ, добромъ, умномъ семействѣ, писалъ онъ кн. Вяземскому (30 августа/10 сентября 1844 г.); онъ изнѣженъ „всѣми комфортабельностями жизни, достойными шотландской цивилизаціи и всей классической дружбы Жуковского и его ангела спутника.... Ты знаешь, какой мастеръ Жуковский устраиваться, но онъ превзошелъ здѣсь себя во вкусѣ уборки дома, мебелей, картинъ, гравюръ.... Все на своемъ мѣстѣ, во всемъ гармонія, какъ въ его поэзіи и въ его жизни.... Онъ встаетъ въ семь часовъ³⁾ и бесѣдуетъ съ Гомеромъ (переводъ Одиссеи на 8-й пѣснѣ и переводъ, по его мнѣнію, коему я вѣрю, какъ чужому, — прекрасный и лучше всѣхъ другихъ). Въ девять мы вмѣстѣ завтракаемъ и милая жена-хозяйка разливаетъ сама кофе моккскій. Жуковский во всемъ сибаритъ.... До 12-ти часовъ Жуковский опять съ Гомеромъ, потомъ опять съ Морфеемъ, то есть, спитъ до перваго часа, закрываясь отъ мужъ Аугсбургской газетой, которую, какъ нѣмецкій европеецъ, получаетъ, но не всегда читаетъ, предпочитая баденскую *Badeliste*. Отъ часу до двухъ мелкія подѣлки или визиты. Въ два обѣдаемъ. Послѣ обѣда — болтовня, и при солнцѣ, подъ деревьями, въ саду. Тутъ явятся иногда къ чаю или къ моему молоку, разбавленному водой, сестры, мать, отецъ святой Елизаветы Жуковской: милое, умное, почти идеальное въ нѣмецкой сущности семейство — они поютъ и играютъ; Жуковский гуляетъ съ часъ; до часу визиты: геніальный и всеученый Радовицъ, художники съ бюстиками, портретами“. У жены „много *der hohen aber auch tiefen germanischen schönen Weiblichkeit*“. „Слушаю Одиссею Жуковского, говорится въ другомъ письмѣ (8/20 сентября 1844 г.). Простота высокая и свѣжесть запаха древности такъ и наполняетъ душу! Что за колдунъ Жуковский! Знаетъ по гречески меньше Оленина, а угадываетъ и выражаетъ Гомера

1) Къ нему-же 15/27 апрѣля 1844 г.

2) Къ нему-же 26 іюня/6 іюля 1844 г.

3) Рукой Жуковского поправлено: въ пять.

лучше Фосса. Все стройно и плавно и въ изящномъ вкусѣ, какъ и распредѣленіе и уборка кабинета, салона его. Стихи текутъ спокойно, какъ Гвадалквивиръ, отражая геній Гомера и душу Жуковскаго“.

Жуковскій былъ доволенъ, что ему удалось полелѣять стараго друга въ своей семьѣ: точно ожила молодость, что-то напомнило горницы московскаго университета, гдѣ они собирались около брата Андрея. А твои замѣчанія въ письмѣ, „на счетъ моей роскошной сибаритской жизни“, не совсѣмъ справедливы, пишетъ онъ пріятелю (октябрь 1844 г.): можетъ быть, надобно болѣе простоты, но излишество почти преступленіе противъ неимущихъ; ни онъ, ни жена его не любятъ, любятъ „святую умѣренность“, „опрятность и видъ смиреннаго довольства“; „опрятность и comfort въ семейной жизни есть то, что гармонія и чистота стилия въ стихахъ“.

Въ маѣ 1845 года Тургеневъ былъ снова у своего стараго друга, но мимолетно; „это было наше послѣднее свиданіе на семь свѣтѣ“, читаемъ въ дневникѣ Жуковскаго¹⁾. 14-го августа Тургеневъ пріѣхалъ въ Москву, совсѣмъ больной, но такой же лихорадочно-дѣятельный, какъ всегда. „Въ субботу (1-го декабря) онъ слушалъ первую публичную лекцію Грановскаго, въ воскресенье провелъ полдня въ пересыльномъ замкѣ на Воробьевыхъ горахъ, вмѣстѣ съ докторомъ Газомъ; въ понедѣльникъ (3-го декабря), въ день кончины, все утро писалъ письма въ Парижъ, отвезъ ихъ въ почтамтъ, а въ шестомъ часу послѣ обѣда скончался въ тѣсномъ, загроможденномъ портфелями и книгами мезонинѣ небольшого дома на Арбатѣ двоюродной сестры своей А. И. Нефедьевой“. Москвичи пожалѣли о дѣйствительно добромъ человѣкѣ, соединившимъ симпатіи западниковъ и славянофиловъ, Герцена и Хомякова, какъ самъ онъ, по выраженію Погодина, „былъ ревностнымъ сыномъ европейской цивилизаціи“, оставаясь „русскимъ въ душѣ“²⁾.

Посылая Жуковскому некрологъ Тургенева, написанный Погодинымъ, Мельгуновъ сообщалъ ему, что покойный давно хотѣлъ ему писать, но не могъ собраться съ духомъ. „Онъ видѣлъ въ васъ друга и, какъ другу, хотѣлъ повѣрить свою

1) Сл. Тургенева письма къ княгинѣ Вяземской 6/18 и 7/19 мая 1845 г., и дневникъ Жуковскаго подъ тѣмъ-же годомъ.

2) Сл. Барсуковъ, I. с. VIII, стр. 237—51.

тайную скорбь; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ друга, не хотѣлъ и огорчить. За нѣсколько дней до своей кончины онъ рѣшился наконецъ писать вамъ и написалъ длинное письмо, которое изорвалъ въ мелкіе клочки. „Я это сдѣлалъ потому, говорилъ онъ...., что въ этомъ письмѣ *измилъ всю свою душу; а это огорчило бы Жуковскаго: онъ испугался бы, прочитавъ его.* Однако я далъ себѣ слово писать къ нему сегодня непременно; и написалъ, принудилъ себя. Но письмо ему не понравится; онъ меня въ немъ не узнаетъ: оно сжато, сухо, *sans abandon*, какъ будто не я писалъ; Жуковскій будетъ недоволенъ“¹⁾.

„Два раза пожилъ онъ подъ моею кровлею, писалъ Жуковскій, получивъ извѣстіе о кончинѣ „дорогого товарища“, который „изъ всѣхъ самый давнишній“; онъ совсѣмъ бы осиротѣлъ, еслибъ около него не явился его „собственный, свѣтлый, молодой свѣтъ“. „Смерть удивительно быстро знакомитъ съ истиннымъ бывшимъ человѣкомъ“, — и Жуковскій пытается возстановить „неуловимую фізіономію ума Тургенева“, „фѣміямъ его души“, его „младенческую душу безъ пятна“; „жизнь могла покрыть его своей пылью, но смерть легко сдунула съ души его эту пыль, которая вся всыпалась въ могилу“. Самые недостатки его имѣли источникъ добрый“, „неопредѣленность его мнѣній, на которыя столь часто дѣйствовало и все внѣшнее и настоящая минута“, не мѣшала его жизни быть постоянною, всегда единою, теплою христіанскою дѣятельностью. „Но о такихъ мертвыхъ, какъ онъ, жалѣть не должно; *хотя въ теперешнемъ моемъ кругу, смотря на моихъ и думая о томъ, что есть и чѣмъ еще можетъ быть для меня жизнь, я не могу сказать: смерть желательный жизни, но конечно скажу: смерть, въ ся истинномъ смыслѣ взятая, лучше жизни*“²⁾.

Смерть — „великое благо“ повторяетъ онъ Гоголю (20 февраля 1847 г.). Онъ къ ней давно готовился, трепетно и сознательно, и она тихо его посѣтила. Жуковскій скончался 12 апрѣля 1852 года.

1) Русскій Архивъ 1899 г. апрѣль стр. 634 слѣд.

2) Къ неизвѣстному лицу (мартъ или апрѣль 1846 г.); къ А. Я. Булгакову 20 декабря 1845/1 января 1846 г.; 31 декабря 1845/12 января 1846 г.; къ Гоголю 24 декабря 1845/5 генваря 1846 г.